

РАМЗИ ХУТ

ТЕНИ ИМПЕРИИ

Рамзи Хут

Тени империи

<https://litres.ru/74457212>

SelfPub; 2026

Аннотация

Империя боится его. Инквизиция охотится за ним. Академия — его последнее убежище.

Арчибальд — теневой маг. В мире, где Свет Фаэрона решает всё, его дар — смертный приговор. Но когда он поступает в Академию Тангисариум, то понимает: даже здесь ему не скрыться от прошлого. Война, интриги, предательство — и вот уже вся Империя требует его крови.

У него есть лишь несколько союзников и один шанс на спасение. Но чтобы выжить, ему придётся стать тем, кем его боятся — повелителем Тени.

Содержание

ПРОЛОГ	4
ГЛАВА 1. ЛУГАС И ГЕЛИАНОР	6
ГЛАВА 2. ТАНГИСАРИУМ	17
ГЛАВА 3. ОСНОВЫ МАГИИ	33
ИНТЕРЛЮДИЯ. МЕЛЕСТИЙ	54
ГЛАВА 4. ТЕНЕВОЕ ЗРЕНИЕ	57
ИНТЕРЛЮДИЯ. АРТУР.	68
ГЛАВА 5. БРАТЬЯ	76
ГЛАВА 6. ПОЕДИНОК СТИХИЙ	92
ГЛАВА 7. СОВЕТ ВОСЬМИ	116
ГЛАВА 8. СВЕТ И ТЕНЬ	136
Конец ознакомительного фрагмента.	148

Рамзи Хут

Тени империи

ПРОЛОГ

Небо — беспросветная тьма. Сквозь ливень едва пробились огни деревушки — дрожащие искры на грани угасания.

У кромки леса, на краю поля, стоял человек. Чёрный плащ развевался в безветренной ночи, колыхался сам по себе, не нуждаясь в ветре. Он смотрел на маленький храм у околицы. Одна рука безжизненно свисала вдоль тела, вторая прижимала к груди небольшой свёрток.

Дождь не касался его. Капли огибали невидимую преграду, плащ оставался сухим. Дождь не признавал его существование.

Он выждал несколько минут и решился. Медленно, прикрывая ношу живым плащом, двинулся к храму. Шаги — беззвучны. Грязь не чавкала под сапогами, лужи не расступались. Он шёл, а тьма обволакивала его.

На пороге незнакомец опустился на колени, осторожно положил свёрток на каменную ступень. Из складок ткани показалась пухлая младенческая ножка. Чужак замер, затем неуклюже, но с бесконечной осторожностью поправил край покрывала, закутывая ребёнка. Худой палец с чёрным ногтем коснулся щеки спящего младенца — легко, невесомо.

Он резко выпрямился, запрокинул голову. Чёрные, как сама ночь, глаза уставились в небо. Тихий голос произнёс:

— Элария, богиня плодородия, защитница жизни. Пригляди за ним. Или я приду и за тобой.

Молния. Гром прокатился над деревней, сотрясая воздух.

Он развернулся и ударил в дверь храма — та затряслась, заскрипела на петлях. Изнутри слышался торопливый шаг. Когда дверь распахнулась, на пороге уже никого не было. Только младенец лежал на ступенях, и дождь наконец пролился на камень — ночь выдохнула.

Человек растворился во тьме.

ГЛАВА 1. ЛУГАС И ГЕЛИАНОР

Арчибальд не знал родителей. Жрец Феликс нашёл его младенцем на пороге храма Эларии в деревушке Лугас и вырастил как сына.

Два года спустя судьба привела туда ещё одну сироту — маленькую Элайзу. Мать умерла при родах, отец упился с горя до смерти. Молодая послушница Мириам заменила девочке мать, окружила теплом.

Арчибальд и Элайза стали неразлучны. Он, старший на два года, всегда опекал её, защищал. Игры в саду, прогулки к реке — он чувствовал себя старшим братом, обязанным оберегать.

В четырнадцать лет всё перевернулось. Работая в саду, Арчи в первый раз заметил, как яблоко само покатилося к нему, повинувшись мысли. Затем подобное случалось всё чаще.

Он рассказал Феликсу. Лицо жреца стало серьёзным, в глазах — тревога.

— Не пугайся, сынок. Это дар магии. Им нужно управ-

лять. Без контроля он опасен.

Феликс начал учить его основам. После этого деревенские дети начали сторониться Арчи. Рядом осталась только Элайза. Долгие месяцы тренировок вместе с Феликсом помогли Арчи начать контролировать и подавлять магию.

Но Арчибалд хотел доказать всем и в особенности Элайзе, что он не чудовище, — Арчи решил показать ей свою силу. Они спустились в храмовый подвал. В дрожащем свете свечи он сосредоточился на пламени, пытаясь сделать его ровнее и ярче.

Наружу вырвалось иное. Густые чёрные тени поползли по стенам, обвили ноги девочки липкими щупальцами. Элайза вскрикнула, выронила подсвечник. Грохот и крик к счастью привлекли Феликса.

— Не двигайтесь! — сбегая по ступеням, крикнул жрец, вскинул руки. Белый свет окутал Арчи, гася всплеск. Тени рассеялись.

— Прости, я не хотел... — начал Арчи.

— Знаю, сынок. — Голос Феликса был усталым, на лбу блестел пот. — Неконтролируемая магия опасна. Ты можешь

разрушить себя... или тех, кто тебе дорог.

Арчи смотрел на перепуганную Элайзу. Сердце разрывал стыд. Он едва не причинил боль единственному, кто в него верил.

— Мне не по силам дать тебе нужные знания, Арчи. Ты должен ехать в Академию магии. Это единственный путь.

Арчи молча кивнул. Он видел страх в глазах Элайзы и понимал — выбора нет.

День отъезда выдался сумрачным. На причал пришли Мириам и Элайза. Девочка, не сдерживаясь, плакала.

— Я вернусь, как только научусь пользоваться магией. — Арчи крепко обнял её. — Четыре года, ты даже не успеешь соскучиться. Феликс говорит, что у них есть каникулы, может, приеду следующим летом.

— Обязательно приезжай, — прошептала она, пряча лицо в его плече.

Мириам приобняла девочку, уверенно оттесняя в сторону:

— Не грусти. Он вернётся.

Корабль отчалил. Арчибальд смотрел, как две фигурки на причале таяли в тумане, пока не исчезли. Когда берег скрылся в тумане, Феликс подошёл к нему и сказал:

— В Академии тебе помогут с контролем, и ты сможешь вернуться.

Арчи кивнул. Река уносила их к столице Империи Солнца.

Корабль с глухим стуком пришвартовался к причалу. Сойдя на скользкие от грязи камни, Арчибальд замер, оглушённый какофонией. Гелианор, столица империи людей. Крики чаек мешались с окриками грузчиков, сладковатый запах специй перебивался тошнотворным духом гниющих водорослей. Он инстинктивно шагнул ближе к Феликсу.

Деревня Лугас с её тишиной и запахом печёного хлеба казалась сном. Здесь реальность была по глазам и ушам — оглушающая, ослепляющая.

— Ничего себе... — прошептал он. В голосе было больше

тревоги, чем восторга.

Феликс тяжело вздохнул, скользнул взглядом по нарядным дамам и тут же перевёл его на оборванных мальчишек, обшаривавших карманы зазевавшегося купца.

— Вся эта позолота — показуха, Арчибальд. За ней грязь, жадность и интриги. Город не прощает ошибок и пожирает слабых. Держись ближе.

Они шагали по широкой магистрали от доков к центру. Рынок у причала заполняли сотни продавцов и покупателей — шёлк, драгоценности, пряности. Арчибальд впервые услышал живой голос столицы: весёлые возгласы детей, цокот копыт, звон повозочных колокольчиков.

Благородные дамы в тяжёлых нарядах прогуливались рука об руку с рыцарями в сверкающих латах по центральному проспекту, ведущему к богатым кварталам. Трубили фанфары, аристократы проезжали мимо, демонстрируя власть и влияние этих мест.

Рабочий квартал окунул их в иную реальность. Кузнец в потрёпанном фартуке ковал железо, стеклодув шлифовал стекло, музыканты играли народные мелодии. Искры от наковальни смешивались с закатным солнцем. Жизнь здесь

шла в собственном ритме.

На пересечении улиц Арчибальд натолкнулся на толпу. Люди возбуждённо гудели, указывая на центр площади. Огромная платформа, украшенная имперскими гербами и красным солнцем, возвышалась посреди мостовой. Над публикой стоял высокий мужчина в белой мантии с алыми полосами — тощий, с длинными руками и крючковатыми пальцами. Вытянутое лицо, нос с горбинкой, острый подбородок — вылитая хищная птица. Бледная кожа контрастировала с алой тканью, а глаза горели холодным равнодушием, точно два уголька.

— Узрите наказание преступника! — гроыхнул его голос, разносясь по площади. — Тёмный маг, обвиняемый в запрещённой некромантии, краже душ и манипуляции сознанием, должен умереть! Он нарушил Священный закон Империи!

Рядом стоял пленник — скованный цепями, избитый до полусмерти. Голова безвольно опущена, глаза безразлично смотрели в землю.

— Что это? — прошептал Арчибальд, отступая.

Феликс нахмурился.

— Инквизиция, — тихо ответил он, отводя взгляд от эшафота. Его рука легла на плечо Арчибальда — тяжёлая, успокаивающая. — Они используют имя бога солнца Фаэрона и называют это очищением. Будь осторожен, сынок. Те, кто громче всех кричит о свете, лучше всех умеют прятать собственную тьму.

Человек в мантии подал знак, и стражники грубо подтолкнули пленника к зловещему сооружению из тёмного дерева. У ног приговорённого стоял небольшой пень. Палач с безразличным лицом толкнул беднягу на колени и грубо прижал его голову к пню, а инквизитор продолжал свою речь.

— Осуждён светом Фаэрона и законом Империи! — театрально провозгласил инквизитор, потрясая пергаментом с печатями. — Виновен в страшнейших преступлениях против народа и церкви!

Арчибальду стало душно. В ушах зазвенело, в горле встал ком. Он не мог оторвать взгляда от пленника. Рёв толпы слился в оглушительный животный вой. Пальцы сжались в кулак, суставы побелели.

Инквизитор взмахнул рукой, и палач опустил свой огромный меч. Тело дёрнулось, раздался неестественно громкий

хруст — ломающий, разрезающий шею. Голова покатилась по площадке. Толпа на миг затихла, затем взорвалась ликующим рёвом.

Арчибальд зажмурился. Поздно — образ дёргающегося в конвульсиях тела навсегда впечатался в память. Его затошнило, но пальцы жреца с такой силой впились в плечо мальчика, что он смог устоять. На лице приёмного отца застыла маска ледяного, беспросветного отвращения. Он развернул Арчи и повёл прочь — сквозь ликующую, жаждущую крови толпу.

— Отвратительное место, мне надо выпить, а тебе поесть.
— ворчал Феликс, ища глазами место, где можно отдохнуть.
— Старайся не покидать академию без нужды.

В трактире «Пересохший колодец» было темно и душно. Пахло кислым пивом и жареным луком. Арчибальд сидел, уставившись в тарелку с остывшей похлёбкой. Жир застыл желтоватыми разводами. Но перед глазами всё ещё стояло тощее тело.

Феликс пригубил тёмное пиво, с силой поставил кружку на стол. Рука дрожала.

— Ешь, — хрипло сказал он, глядя мимо Арчибальда. —

Забудь. Тебе нельзя это запоминать.

— Они ему... — выдавил Арчи, не отрывая взгляда от полхлёбки. Собственный голос казался чужим. — Он даже не боролся. Они все... кричали. Радовались.

Феликс резко, почти яростно провёл рукой по лицу.

— Им показывают врага, Арчи. — Он говорил тихо, но каждое слово обжигало холодной яростью. — Один человек говорит «чудовище», и толпа уже видит монстра, а не запуганного, избитого человека. Им не нужны доказательства. Им нужен спектакль. Ритуал. Чтобы чувствовать себя праведными и в безопасности. Это и есть настоящая чёрная магия — превращать людей в стадо.

Он припечатал кружку. Та грохнулась о стол, едва не разбившись.

— А эти... инквизиторы. — Феликс с силой выдохнул, и в его глазах стояло настоящее отвращение. — Они не защитники. Им нужен порядок. Их порядок. Любой ценой. Гелианор — столица империи и центр их власти.

Арчибальд молча кивнул. Есть он так и не смог.

— Пойдём, мы должны успеть в академию до заката. — кинув несколько монет на стол, сказал Феликс и направился к выходу.

До Академии магии добрались ранним вечером. Громада зданий возвышалась над окрестными постройками, отделённая собственной крепостной стеной. Пять символов — Солнца, Скрещенных Мечей, Вихря Стихий, Раскрытой Книги и Полумесяца — вырисовывались из сумерек над пятью башнями. Стены покрывали защитные руны, мерцающие в последних лучах солнца. В груди Арчибальда мешалось всё: леденящий страх, жгучее любопытство и робкая надежда.

— Вот она, величайшая академия магии империи, Тангисариум. — с благоговением и ноткой ностальгии произнёс Феликс.

— Здесь я должен найти себя? — тихо спросил он, глядя на массивные ворота, покрытые вязью знаков.

Феликс крепко сжал его руку:

— Да, сынок. У тебя особый дар. Теперь твоя задача — научиться им управлять. Верь в себя.

Арчибальд глубоко вдохнул и шагнул вперёд — навстречу огромным вратам.

ГЛАВА 2. ТАНГИСАРИУМ

Дорога к главному зданию шла через ухоженный парк. Магические цветы мерцали мягким светом, скульптуры легендарных магов выступали из темноты. Вода фонтана играла всеми цветами — не то что мутные ручьи Лугаса. Внутренний двор озаряли сотни факелов. Шаги двоих гулко отдавались в ночной тишине. Арчибальд шёл рядом с Феликсом, сердце билось учащённо, ладони взмокли. Свет факелов плясал на каменных плитах, на изящных кронах парковых деревьев.

— Пришли, — выдохнул Феликс, останавливаясь перед центральной башней, стены которой украшали гобелены с изображением вихря стихий.

Ворота медленно распахнулись. Внутри их встретила высокая женщина с белокурой косой, перехваченной простой деревянной заколкой. Зелёные глаза смотрели дружелюбно. Длинное тёмно-синее платье с узорами сидело строго, но не отталкивало.

— Добро пожаловать, — тепло улыбнулась она. — Меня зовут Аврелианна. Я хранитель традиций и распорядитель-

ница академии. Теперь о тебе позаботится Тангисариум.

Феликс обнял Арчи — крепко, почти до боли. Отстранился, держа за плечи.

— Пиши, — голос сорвался на хрипоту. Он смахнул что-то с лица резким движением и, не сказав больше ни слова, развернулся. Зашагал прочь, спиной пряча то, чего сын не должен был видеть.

Арчибальд смотрел, как фигура отца становится всё меньше. В груди, где только что было родное плечо, разлилась ледяная пустота.

Он переступил порог вслед за Аврелианной. За спиной закрылся привычный мир. Впереди начиналась новая жизнь.

Группа новоприбывших толпилась в Большом Зале. Круглое помещение с высоким потолком, хрустальные светильники лили зеленовато-голубой свет. Пол — чёрный и белый мрамор, строгий геометрический орнамент. Вдоль стен стояли кресла, обитые бархатом. Гул множества голосов оглушил Арчи — после тишины храма это было невыносимо. Он невольно сжался.

На высоком помосте в конце зала стоял высокий, коротко

стриженный мужчина с седыми волосами, гладко выбритым лицом и синими глазами, внимательно оглядывавшими присутствующих. Тёмно-синяя мантия с золотым орнаментом подчёркивала его статус. Он медленно обвёл зал взглядом, и даже самые болтливые затихли.

— Добро пожаловать, — заговорил он. Тихий, низкий голос резал тишину как лезвие. — Я архимаг Вальдореин, глава имперской академии магии. В вас проснулся древний дар. Мироздание вручило вам силу, но эта сила — не подарок. Это испытание. Самый страшный соблазн — использовать её, чтобы ломать, подчинять, внушать страх. Потому что это легко. Легко сжечь дом врага. Гораздо сложнее защитить от огня дом друга. Легко запугать слабого. Сложнее — сделать его сильнее. Запомните: ваша сила не сделает вас значимее. Она лишь покажет, кто вы есть на самом деле. Добро пожаловать в Академию Тангисариум.

Речь архимага смолкла. После приветствия всех развели по общежитиям. Арчибальд попал в комнату с двумя сверстниками. Первый, судя по гербу на камзоле и военной выправке, явно принадлежал к аристократии. Второй, одетый проще, но из дорогой ткани, смотрелся не менее уверенно. Быстрые, живые глаза осматривали каждый сантиметр помещения, а затем с истинным интересом — и самого Арчи.

Комната — три кровати, шкафчики, столы. Лунный свет боролся с тремя тусклыми магическими светильниками. Заметив Арчибальда, аристократ отвлёкся от раскладывания вещей и одарил его широкой ухмылкой.

— Артур, — он протянул руку. — Второй сын рода Грэйвс.

— Арчибальд, — ответил на рукопожатие Арчи, чувствуя себя скованно.

— Отлично! — Артур легко вскочил. — Отец говорил: самые крепкие дружбы завязываются именно в таких местах. Надеюсь, подружмся.

Третий жилец устроился на дальней кровати. Мельком взглянул на Арчи, оценивающе скользнул глазами по простой одежде.

— Ричард, — представился он. — Рад знакомству. Я из семьи торговцев. Тоже простолюдин.

Он кивнул Арчибальду.

— Да кого это волнует? — с негодованием сказал Артур. — Здесь имеют значение только твои способности.

— Странно такое слышать от аристократа, — Ричард в удивлении приподнял бровь.

— Я не наследник, так что моё только то, чего добьюсь я сам, — пожал он плечами. — К тому же наш род добился титула в бою, и кичиться происхождением у нас не принято.

— Это достойно уважения, — без капли сарказма произнёс Ричард. — А ты, Арчибальд, откуда и как сюда попал?

— Из деревни на западе, Лугас. — Арчи стало легче: он ожидал высокопарных речей или презрения к его происхождению, но обычный разговор дал наконец расслабиться. — Как попал? Проснулся дар, не смог контролировать — и вот я здесь.

— То есть всё как у всех, — хохотнул Артур. — Может, пойдём в гостиную? Познакомимся с остальными.

Переглянувшись и согласно кивнув, Арчи бросил на свободную кровать свою скромную котомку и в компании новых знакомых отправился в гостиную. Позднее, в общей гостиной, разговор зашёл об архимаге Вальдореине. Арчи было интересно узнать о главе академии.

— Говорят, он единственный за последний век, кто победил лича в его же цитадели, — с горящими глазами произнёс Артур, отхлёбывая травяной чай. — И снял проклятие с земель под пятой лича. Представляешь его силу?

К их группе подошла девушка с каштановыми волосами, собранными в небрежный хвост, и большими любопытными зелёными глазами.

— Почти правда, только он был не один, — вмешалась она. Голос звучал убеждённо. — Мой дядя служил в патруле, что зачищал остатки нежити после ритуала Вальдорейна. Говорит, земля там снова дышит жизнью. Эвелин Девинтер, кстати. Надеюсь попасть на Магию Света — хочу лечить людей, как бабушка.

Разговор плавно перетёк на учёбу и слухи, а девушка влилась в их компанию так естественно, будто они давно знакомы.

— А ещё поговаривают, — Эвелин оглянулась и понизила голос до шёпота, — что «Солнечные» чуть ли не ультиматум поставили Совету Магов. Хотят запретить обучать магов Тени.

Долговязый парень с мрачным лицом, сидевший недале-

ко, язвительно фыркнул:

— Давно пора! Тьма должна быть уничтожена, а не изучена. Все эти теневики — одна дорога к предательству. Лучше сжечь заражённый лес, чем пытаться вылечить каждое дерево.

Эвелин вспыхнула:

— Моя бабушка была целительницей! Она видела, как эти теневики снимали порчи, которые светлые маги боялись даже потрогать! Они спасли сотни людей, используя те самые знания «тьмы», которые ты предлагаешь запретить.

— Им либо повезло, либо они сами наслали эти проклятья! — в тоне парня звенела фанатичная убеждённость.

— Без понимания природы проклятия его снятие — рулетка, — горячо вступил Артур, хлопнув ладонью по столу.

Ричард, до этого молча наблюдавший, отложил книжицу. Все взгляды обратились к нему.

— Интересно, — произнёс он спокойно. — Если спрос на снятие порчи останется, а легальных специалистов не станет... Цены на чёрном рынке взлетят до небес. Появятся са-

моучки без принципов и правил. И тогда последствия будут непредсказуемы. — Он посмотрел на мрачного парня холодным, оценивающим взглядом. — Такое рвение может стоить Империи дороже, чем возможное предательство.

Наступила напряжённая тишина. Фанатик что-то пробормотал и отвернулся. Эвелин одобрительно кивнула.

Спать легли поздно. Арчибальд лежал, глядя в тёмный потолок. Сон пришёл нескоро.

Утро второго дня встретило волнением. За завтраком в столовой стоял оживлённый гул — студенты обсуждали предстоящий ритуал определения магической предрасположенности.

— Кто-нибудь знает, как это делается? — нервно теребила вилку маленькая брюнетка.

— Берут кровь, — авторитетно заметил длинноволосый парень. — И смотрят, какого цвета выйдет магическая энергия.

— Да нет, используют рунный круг, — кто-то сделал своё предположение.

Другие студенты обменивались историями и прогнозами, кто какую магию получит. Арчибальд прислушивался к разговорам, ощущая внутреннее волнение и интерес к будущему дню.

После завтрака студенты поспешили в Большой Зал, чтобы услышать важное объявление — о проведении специального ритуала выявления магических способностей. За ночь его преобразили: старые гобелены исчезли, появились картины и рельефы, изображающие представителей разных магических школ. В воздухе висели серебристые ленты, обозначающие границы секторов. Белые — школа Света. Кроваво-красные — боевая магия. Жёлтые — Стихии. Изумрудно-зелёные — Арканическая магия. А глубокие фиолетовые — таинственная область магии Тени.

Аврелианна обратилась к собравшимся:

— Ученики, займите свои места, — сказала она, оглядев Большой Зал. — Настало время выяснить, какое магическое направление каждому из вас дано природой.

Архимаг Вальдореин занял место рядом с Аврелианной. С ним встал инквизитор — высокий, в бело-алой мантии. Арчибальд замер, узнав в нём человека, руководившего вчера экзекуцией на площади.

Архимаг объявил начало собрания:

— Сегодня состоится обряд определения вашей магической предрасположенности. Представитель Церкви Фаэрона, инквизитор первого ранга Элгор, желает сказать несколько слов.

Инквизитор вышел вперёд. Ледяной, оценивающий взгляд скользнул по студентам, будто выискивая будущих еретиков.

— Чёрная магия — это гниль, что разъедает душу изнутри. История Империи написана кровью, пролитой теми, кто возомнил себя повелителем тьмы. Храм Фаэрона предупреждает: ступивший на эту дорогу становится её заложником.

Вальдореин следил за Элгором, как лев наблюдает за суе-той у своих лап.

— Инквизитор Элгор любезно согласился осветить нас своим присутствием, — голос архимага был тих, но слышен в каждой точке зала. — И, как всегда, его риторика ярка и далека от реальности. Мы не учим чёрной магии. Тень — такая же грань магии, что и свет. Теневая магия — это инструмент, такой же как нож. Ножом можно нарезать хлеб, а

можно заколоть спящего. Вините руку, а не нож.

Элгор резко обернулся, алая мантия взметнулась.

— Вы играете в словесные игры, архимаг! Ваша «тень» развязала войну! И едва не утопила целый регион в крови и скверне!

— Войну развязал безумец, обученный в стенах вашего храма, пока инквизиторы выискивали еретиков по деревьям, — парировал Вальдорейн, и в голосе его зазвучала сталь. — А скверну остановили наши маги. Цена была высокой. Без них она была бы неизмеримо выше. Вы предлагаете вырвать глаза, чтобы не видеть опасность. Мы предпочитаем смотреть на мир зрячими.

Элгор побледнел. Пальцы сжались в кулаки.

— Вы переходите черту, архимаг!

— Нет, — спокойно ответил Вальдорейн. — Я лишь провожу её. В моих стенах. Для моих учеников. Ваша проповедь окончена, инквизитор. Благодарю за наглядный пример разницы в наших подходах.

Слова повисли приказом. Элгор замер, понимая: любое

возражение теперь будет выглядеть слабым оправданием. Сдавленно кивнул и отступил на место, пылая бессильной яростью.

Арчибальд понял главное: слухи о закрытии теневой магии не были пустыми. За спором стояла реальная попытка Церкви взять образование под контроль.

Аврелианна мягко вмешалась:

— Пора переходить к определению способностей.

В зал внесли необычный объект — крупный камень, мерцающий серебристым светом.

— Камень Истинной Крови, — объявила Аврелианна. — С его помощью мы выясним вашу магическую принадлежность.

Первое имя прозвучало в тишине:

— Валентина Лориэль. Подойдите к Мастеру Тассару.

Маленькая брюнетка нерешительно подошла к столу. Мастер Тассар, седовласый мужчина с мягкими чертами лица, взял её левую руку и сделал аккуратный надрез на ладони

острым клинком. Девушка вздрогнула. Он прижал окровавленную ладонь к поверхности камня.

Тот завибрировал, испуская серебристое свечение. Энергия плавно проникла в ладонь — Валентина замерла, и через секунду из пальцев засочилась чистая белая энергия.

— Магия Света, — объявил Тассар, занося результат в книгу. Провёл рукой над раной, и порез начал затягиваться. Девушка, бледная, но счастливая, вернулась на место.

Следующим вызвали Михаила Ленгарда — крепкого парня с тёмными волосами. Когда его ладонь прижали к камню, из пальцев хлынула ярко-красная, как кровь, энергия.

— Боевая магия.

Артур получил тот же результат. Эвелин — Светлую магию. Ричард — Арканическую, насыщенный изумрудно-зелёный. Один за другим студенты проходили проверку. Одни радовались, другие нервно вздыхали, третьи растерянно переминались.

Наконец подошёл черёд Арчибальда.

Сердце забило сильнее. Мастер сделал надрез. Прикос-

нувшись окровавленной ладонью к камню, Арчибальд почувствовал, как тело сковало невидимой сетью. Серебряная энергия проникла в руку. В следующий миг из пальцев засочилась сила — глубокий, мрачный фиолетовый, цвет запёкшейся крови в лунном свете.

— Теневая магия, — объявил Тассар.

Наступила тишина. Не просто отсутствие звука — плотная, давящая пелена. Арчибальд почувствовал, как люди, стоящие рядом, непроизвольно отстраняются. Чей-то сдавленный вздох, чей-то шёпот, похожий на шипение. Воздух стал холоднее — будто из него выкачали всё тепло.

Арчибальд опустил глаза. Тяжёлый изучающий взгляд инквизитора — тот самый, что он видел на площади, — жёг кожу. Он сжал ладонь, под которой уже затягивался порез. Казалось, фиолетовый оттенок навсегда вьелся под кожу.

Элгор смотрел на него с холодным интересом. Вальдорейн отметил реакцию инквизитора и ощутил мимолётную досаду: инцидент привлечёт к Академии лишнее внимание.

Артур и Эвелин бросили на Арчи ободряющие взгляды — молча, но искренне. Ричард пристально посмотрел, в глазах его мелькнул не страх, а холодный оценивающий блеск. Он

будто взвешивал риски и потенциал этого открытия.

Оставшиеся студенты завершили тестирование. Зал постепенно пустел. Арчибальд задержался возле Артура и Эвелин, чувствуя благодарность за поддержку. Ричард держался рядом, то и дело поглядывая на него — словно тот превратился в сложный артефакт, требующий изучения.

Аврелианна остановила компанию:

— Новые студенты остаются в зале. Я дам распоряжение, когда можно покинуть помещение.

Вскоре в зале остались только ученики первого года обучения. Аврелианна обратилась к ним:

— Завтра начнётся обычное расписание, соответствующее вашему направлению. Но сегодня, независимо от принадлежности, вас ждёт единое занятие — Основы Магии. Найдите кабинет, туда придёт преподаватель.

Уже у выхода она остановилась и добавила — тихо, глядя на Арчибальда:

— Арчибальд, после занятий подойди ко мне. Твой результат заслуживает отдельного разговора.

Ученики вышли, рассеиваясь по коридорам. Арчибальд присоединился к друзьям, и вместе они отправились искать кабинет Основ Магии. Но одна мысль не давала Арчи покоя: он единственный теневой из десятков новых учеников.

ГЛАВА 3. ОСНОВЫ МАГИИ

После ритуала Арчибальд, Артур, Эвелин и Ричард шагали по коридорам Академии. Воздух вокруг был полон неясных опасений. Ученики проходили мимо в спешащем потоке, иногда обменивались шёпотом и открыто избегали взгляда Арчибальда.

Артур намеренно замедлил шаг, приблизился к другу.

— Неожиданно, правда? Твоя магия оказалась иной. — Он говорил тихо, но без страха. — Главное — использовать дар на пользу Империи. Я верю, ты найдёшь правильный путь.

Эвелин шагала сбоку, нервно крутя пряжку сумки.

— Я рада, что ты с нами, Арчи. Многим стало некомфортно, но это от невежества.

Ричард недовольно фыркнул:

— Зря волнуетесь. Каждый получил магию не по выбору. Теневая — такое же направление, как и другие. К тому же

практически у всех есть дополнительный канал магии.

— Это как? — удивился Арчибальд.

— Определить можно только основной канал магии, — начал объяснять Ричард. — Например, у меня это Аркана. Я могу изучать все её направления, то есть алхимию, руны и ментальную магию.

— А дополнительный канал можно найти только пробами, — закончила за него Эвелин. — Но это может быть только одна стихия. Некая предрасположенность: магия огня или целительство, та же алхимия.

— Нам проще и сложнее в этом плане, — сказал Артур. Увидев непонимающий взгляд Арчи, он продолжил: — У боевой магии нет дополнительных каналов. Она меняет организм под себя, отсекая другие каналы.

Арчибальд перевёл взгляд на друзей.

— Спасибо, — улыбнулся он едва заметно. — Я не стремлюсь приносить неудобства. Но приятно знать, что вы не шагаетесь.

Коридоры Академии — лабиринты тесных помещений и

высоких потолков, украшенных резьбой и картами прошлых войн. Пахло старыми книгами и благовониями из курильниц вдоль стен.

Из-за угла вышла группа старших учеников.

— Видали? Тёмный маг. Прямо образцовый — худой, бледный, унылый, — они рассмеялись собственной шутке и двинулись дальше.

— Пусть болтают, — спокойно произнёс Артур. — Мнение глупцов нас не касается.

Группа остановилась перед большими двустворчатыми дверями с надписью «Основы Магии». Рядом стоял массивный стол, заваленный трактатами и чертежами.

Аудитория встретила их давящей тишиной, нарушаемой лишь глухим, утробным гулом. Воздух — прохладный, влажный, тяжёлый от запаха озона.

Но главное, что заставляло замирать каждого входящего, — правая стена. Не камень. Единая, идеально прозрачная толща воды, сдерживаемая невидимым заклятьем. За этим живым барьером в тусклом сине-зелёном свете медленно проплывали причудливые существа. Пузыри воздуха,

точно живые жемчужины, выстраивались в сложные, постоянно меняющиеся магические формулы. Всплеск серебристого создания отбрасывал трепетные блики на тёмное дерево столов и замершие лица учеников. Стихия, укрощённая волей мага.

Мастер Тассар стоял перед этой немой мощью. Его фигура, отражаясь в водной глади, казалась частью древнего, отстранённого спокойствия.

— Добро пожаловать. То, чему вы здесь научитесь, определяет ваше будущее. Будьте внимательны и усердны.

Арчибальд занял место рядом с друзьями, провёл рукой по гладкой столешнице, успокаивая нервы.

Учитель подошёл к кафедре, седые волосы аккуратно расчёсаны, строгая одежда безупречна.

— Приветствую, будущие маги. — Он поправил складки мантии. — Сегодня мы приступим к изучению основ классификации магических направлений и условий обучения.

Студенты закрипели перьями. Мастер перешёл к главному:

— Прежде всего поймите: магическая направленность обусловлена природой вашего дара. Основной канал, данный от рождения, предопределяет ключевую магическую ветвь.

Он перечислил структуру:

Светлая магия — исцеление, сила Солнца, иллюзии.

Стихийная — вода, огонь, земля, воздух.

Арканическая — артефакты, рунические системы, алхимия, ментализм.

Боевая — усиление тела, ускорения, трансформация.

Теневая — упокоение мертвецов, снятие проклятий, контроль теней.

— Однако, — Тассар сделал паузу, — не забывайте: ваш резерв — это вы сами. Чем сильнее магия, тем сильнее последствия для вас. Не рассчитаете энергию — она вас сожжёт.

Сделав короткую паузу, давая ученикам осознать услышанное, он продолжил:

— Предположим, вы стихийный маг. Помимо выбранной стихии вы изучаете дополнительную. Но на высокое мастерство не рассчитывайте. Основное направление всегда приоритетно. — Он снял очки. — Максимальная степень владения достижима лишь в нём.

Студенты оживились. Первым не выдержал Виларий, бойкий юноша с арканическим направлением:

— Мастер Тассар, как понять, кто сильнее? Уровни, ранги?

Тассар усмехнулся.

— Силу не измерить линейкой. Но для удобства мы делим мастерство на ступени: от ученика до магистра. Разница — в мощи и контроле. Смотрите.

Он щёлкнул пальцами. Над ладонью вспыхнул яркий шар чистого света — слепящий, идеально круглый.

— Свет адепта. Ярко, но бесполезно для тонкой работы.

Шар сменился крохотной, ослепительно белой искрой. Она описала в воздухе сложную траекторию, выписывая руны.

— Концентрация мастера. Та же сила, сжатая в иглу. Мощь — не в громкости, а в умении направить. Следующий вопрос.

Эвелин робко подняла руку:

— А бывает, что маги разных ветвей делают одно и то же?

— Отличный вопрос! — оживился Тассар.

Он взмахнул рукой, и между рядами проплыл призрачный, переливающийся всеми цветами кит. Студенты ахнули. Иллюзия была видима, но неосязаема.

— Маг Света создаст её, играя с восприятием, окутывая вас дымкой. Стихийник — сконденсирует пар и пыль. Цель одна. Основа едина, инструменты разные.

Арчи, стараясь, чтобы голос не дрожал, спросил:

— А если пробовать силы в совсем другом направлении?

Тассар на мгновение замер. Взгляд стал осторожным. Иллюзия кита растаяла.

— Теоретически — можно. — Он выбирал слова с особой тщательностью. — Но это как ковать меч, имея лишь навыки гончара. Основной канал — ваш единственный надёжный источник силы. Остальное... — Он призвал маленький, идеально симметричный вихрь из листьев; тот покрутился у плеча и рассыпался. — ...лишь поверхностные заимствования. Опасные, если забыть об их ограниченности. Без должного контроля... — Он не закончил, но многозначительно посмотрел на Арчи. В аудитории повисло напряжённое молчание.

Артур поспешил перевести тему:

— А предел есть? В развитии?

— Предел, юноша, — Тассар с облегчением вернулся к безопасной территории, и над его головой вспыхнули и заплясали две стихии: шар света и вихрь ветра, — лишь в нашем упорстве. Вселенная безгранична. Но помните...

Стихии рассеялись. Мастер обвёл аудиторию серьёзным, почти суровым взглядом. Голос понизился, заставив всех невольно притихнуть.

— ...эта сила требует контроля. Ваш дар — река. Природный канал — её единственное истинное русло. Попробуйте

направить всю мощь реки в узкий ручеёк чужой магии... — Он резко сжал кулак. Воздух с треском схлопнулся, короткая яркая вспышка. — ...и она разорвёт его. Или, что хуже, повернёт вспять и затопит вас самих. Вы сгорите, как свеча. Контроль — не просто умение. Это вопрос выживания. Вашего и тех, кто рядом.

Пока Тассар говорил, Арчибальд почувствовал знакомый холодок в груди — будто внутри шевельнулась та самая, чужая и пугающая сила. Тени под столом на мгновение сгустились, став непроглядно чёрными. Он резко вдохнул, вспомнив наставления Феликса: «Дыхание — якорь. Гнев и страх — топливо, но ты должен быть кузнецом, а не костром». Он сознательно расслабил сжатые до белизны пальцы, сделал глубокий медленный вдох. Тени под столом вернулись к обычной густоте.

Он наклонился к Эвелин:

— Эви... почему для Теней столько особых ограничений?

Она встревоженно взглянула, сделала неопределённый жест, пожала плечами.

Тассар заметил шёпот. Его взгляд остановился на Арчибальде — внимательный, оценивающий и слегка грустный.

— Политика Империи, в частности требования Инквизиции, установила строгие меры для сил, которые считаются... нестабильными. Это касается и ментальной магии Арканиума. — Он говорил обстоятельно. — Однако Академия Тангисариума придерживается позиции, что под строгим контролем и в руках профессиональных наставников Теневая магия — необходимый инструмент защиты от реальных угроз: нежити, влияний проклятий. Ментальная магия также полезна. Нарушения правил безопасности или этических норм, — он подчеркнул последние слова и со вздохом продолжил, — приводят к строгим последствиям вплоть до изгнания или заключения. А иногда — и того хуже. Бдительность и ответственность — ваш первый долг. Особенно на этом пути.

Он подытожил:

— Основная задача текущего периода — освоить азы магических наук и контроль над своей силой. Убедитесь, что ваши знания прочны, и только тогда двигайтесь к вершинам мастерства.

Урок закончился. Студенты покидали аудиторию, обмениваясь шёпотом и украдкой поглядывая на Арчибальда. Он медленно брёл за друзьями, размышляя о несправедливо-

сти системы и о поиске выхода. Слова Тассара о «необходимом инструменте» звучали как слабое, но всё же оправдание. Но оправдание перед кем? Перед Инквизицией? Перед теми, кто видел в нём лишь «тёмного мага»?

Внутри нарастало раздражение и гнев, перемешанные с надеждой и стремлением доказать — себе и другим — свою полноценность.

После урока Арчибальд собрал вещи, вспоминая просьбу Аврелианны зайти. Попрощался с друзьями. Эвелин поймала взгляд и ободряюще улыбнулась. Их поддержка грела, но идти предстояло одному.

По мрачным коридорам он двигался, чувствуя тяжесть взглядов. Студенты расступались, шёпот «теневой» витал в воздухе. Он глубже втянул воздух, вспоминая дыхательные техники. Раз... два... три... Тени под ногами оставались спокойными. Хорошо.

У кабинета администрации он едва не столкнулся с выходящим молодым инквизитором. Тот был бледен от гнева, губы плотно сжаты. Увидев Арчибальда, резко остановился. Холодный, оценивающий взгляд — без тени человечности — скользнул по юноше, задержался на груди, будто ища там знак. Ни слова. Короткий, едва заметный жест пальцем —

точно стряхивая пыль. Инквизитор резко отвернулся и зашагал прочь, словно увидел нечто омерзительное.

Дверь кабинета была приоткрыта. Он постучал.

— Войдите.

Голос Аврелианны звучал ровно, но с заметной усталостью и лёгким металлическим отзвуком раздражения. Кабинет был безупречен, сама она выглядела измотанной. Откинулась в кресле, пальцами потирая виски. Взгляд, упавший на Арчибальда, — профессионально острый, без тепла.

— Арчибальд. Садитесь. — Она не тратила времени на любезности. — Ваша предрасположенность к Теневой магии определяет особый формат обучения. Академия признаёт её необходимость для борьбы с конкретными угрозами, но осознаёт присущие риски. Поэтому у вашего факультета нет общих практических занятий.

Она выпрямилась, голос стал твёрже:

— Ваше обучение пройдёт под строгим индивидуальным кураторством. Наставником назначен магистр Мелестий. Он практикующий специалист по Теневым искусствам и... понимает специфику положения. — В её тоне сквозило: поло-

жение это незавидное. — Он ожидает вас в лаборатории под башней теней. Сейчас.

Она протянула узкий пергамент с планом. Крестик отмечал дальнее крыло Башни Теней, подвал.

— Лаборатория господина Мелестия. Не опаздывайте. Пунктуальность — первое правило его пространства. Ваше обучение зависит от вашей дисциплины и его руководства. — В словах не было угрозы, только холодная констатация факта. — Удачи.

Арчибальд вышел. Путь к Башне Теней был долгим и безлюдным. Выйдя из здания, он, следуя указаниям, добрался до одинокой башни из чёрного мрамора, но, вопреки ожиданиям, вход к лестнице, ведущей в подвал, находился не внутри башни, а неподалёку от входа. Арчи начал спускаться, воздух становился прохладнее, пахло пылью, сыростью камней и чем-то ещё — резким, травяным, с горьковатой металлической ноткой. Он спустился по узкой винтовой лестнице в полуподвал. Темнота. Лишь тускло мерцали синие руны, вплетённые в каменную кладку. В конце коридора — массивная дубовая дверь без опознавательных знаков, только вырезанный в древесине символ Тени — полумесяц. Арчибальд постучал.

Дверь отворилась бесшумно, впуская волну запаха: сушёные травы, старый пергамент и что-то живое, но чуждое. Лаборатория тонула в полумраке. Свет — скудный и странный: тускло горящие шары в магических клетках, холодное сияние рунических схем на полу и стенах, голубоватое мерцание жидкостей в колбах. Стеллажи ломились от склянок с мутными жидкостями, сушёных трав, костей и кристаллов. На столе громоздились чертежи, странные инструменты и книги в потёртых переплётах, запёртые на крошечные замки.

Перед столом стоял худощавый мужчина. Чёрные волосы, собранные в небрежный хвост, оттеняли бледное усталое лицо с глубоко посаженными тёмными глазами. Глаза, лишённые тепла, оценивали Арчибальда с первого мгновения — взвешивающе, без приветствия. Простая, но добротная тёмная одежда, на запястье — браслет из тусклого металла со вставками чёрных камней. Он казался обременённым чем-то тяжёлым и постоянным.

— Магистр Мелестий? — тихо произнёс Арчибальд, шагнув внутрь. Тени в углах словно шевельнулись. — Я Арчибальд. Госпожа Аврелианна направила меня.

Мелестий медленно кивнул. Взгляд не отрывался от юноши — изучал, словно редкий, но потенциально опасный экземпляр. Ни тени улыбки.

— Опоздал на полминуты. — Голос низкий, сухой, без эмоций. Как скрип пергамента. — Время здесь имеет значение, Арчибальд. Его нехватка может стоить жизни. Твоей. Или чьей-то ещё. — Он тяжело вздохнул. — Академия поручила мне твоё обучение. Я не воспитатель. Я — сдерживающий фактор и твой наставник. Твои ошибки станут моей головной болью. А у меня их, — он обвёл жестом лабораторию, — и без тебя хватает. Понятно?

Арчибальд почувствовал, как холодеют руки. Он кивнул, пытаясь скрыть дрожь.

— Да, магистр.

— Хорошо. — Мелестий отвернулся к столу. Движения точные, экономные. — Первый урок: контроль начинается с осознания цены ошибки. Моя задача — научить тебя не сжечь себя и всё вокруг. Выполняй указания — и мы, возможно, избежим катастрофы. Начнём с основ дыхания и концентрации. Сейчас.

В его тоне не было места вопросам или страху. Только мрачная необходимость.

Мрак лаборатории казался осязаемым. Арчибальд стоял, пытаясь унять дрожь в руках. Мышцы ныли от концентрации, но где-то в глубине теплилась искра — он почувствовал ту холодную, тягучую энергию внутри. Мелестий наблюдал молча; его усталое лицо в полумраке напоминало маску из тёмного дерева.

— Повезло тебе, щенок. — Голос Мелестия резко стал груб, сух, как шелест мёртвых листьев. Он медленно провёл пальцем по чёрному кристаллу на столе, и тот ответил тусклой вспышкой. — Определись твой дар где-нибудь на задворках Империи или, что хуже, будь ты самоучкой... — Кристалл глухо стукнул о стол. — Болтался бы сейчас на верёвке под улюлюканье ничтожеств, свято верящих в свою добродетель. Академия — твой щит, Арчибальд. Треснувший, но пока единственный.

При слове «щенок» Арчибальд вжал ногти в ладони. Тени у ног сжались в плотные комки. Холодная энергия вспенилась. Мелестий заметил мгновенно — тёмные глаза метнули острый, как бритва, взгляд.

— Стоп. Чувствуешь? — голос стал ледяным. — Гнев. Хаос. Идеальное топливо для Тени. Она впитывает твои бури, но подчиняется только вечному льду покоя. Дыхание — пер-

вый столп. Власть над своими ураганами — стена, которую тебе предстоит возвести. Покой. Холод. Безразличие к внешнему шуму. Без них ты — живая искра в архиве библиотеки. — Снова. Дыши. Но теперь ищи эту холодную реку внутри. Направь её, медленно, как смолу, к ладоням. Не толкай. Дай течь. Чувствуй каждый сантиметр пути.

Арчибальд заставил себя вдохнуть. Раз... два... три... Он сосредоточился на ощущении тяжёлой, тёмной субстанции. Медленно направил её вниз по рукам. Пальцы заныли знакомым холодом, но тени оставались неподвижными. Мелестий лишь слегка кивнул — тень удовлетворения мелькнула в глазах.

Когда упражнение закончилось, Арчибальд стоял, переводя дыхание. Лаборатория внезапно показалась тесной, наполненной незримым давлением.

Мелестий, всё ещё прислонившись к столу, следил за ним.

— Садись. — Он указал на табурет у стены. — Твои глаза кричат о вопросах. Задавай. На что смогу — отвечу.

Арчибальд опустился на жёсткую поверхность.

— Магистр... где другие? Ученики Теневой магии? Я не

видел никого на ритуале.

Мелестий скрестил руки на груди. Взгляд стал отстранённым — будто смотрел сквозь стены в прошлое.

— Другие? — Он хмыкнул, сухо и без юмора. — Сейчас в Академии, включая тебя, пятеро учеников. Двое — на втором году. Ещё по одному — на третьем и четвёртом. — Помолчал. — Каждый, как и ты, обучается по отдельному графику. Учатся, пока не освоят базовый контроль. Пока тень не перестанет прыгать от каждого вздоха. А потом... уйдут. — Голос стал плоским. — Причины? Страх, давление извне или просто осознание, что этот путь — не их. Может, кто-то выдержит. Малое число — плюс. Нахожу время для каждого. — Он замолчал. Взгляд скользнул по мрачным стенам. Когда заговорил снова, в голосе прозвучала глубокая, старая горечь: — А раньше... Раньше Теневая магия была престижем. Учеников было много. Вся Башня Теней, а не этот жалкий подвал. — Он резко встал, тень на стене взметнулась — огромная, угрожающая. — Теперь те, в ком просыпается истинный Теновой дар, кто может его распознать до того, как Инквизиция накроет сетью... те, у кого хватает золота или связей... Они бегут. В свободные города-государства. К варварам Севера, где магия льда и тьмы — часть жизни. — Он горестно рассмеялся — звук, полный желчи и бессилия. — Вот куда уходят сильные. А здесь остаются те, кому некуда

бежать. Или те, кто ещё верит в перемены.

Тишина после этих слов была гробовой. Надежды Арчи-бальда таяли как дым.

— Почему... почему всё так против нас? Против Теневых?

Мелестий откинул голову, взгляд устремился к мерцающим рунам на потолке. Горечь и ввевшийся цинизм окрасили слова:

— Потому что мы — удобная мишень. Живое воплощение того самого «зла», на котором так удобно приумножать власть и влияние, играя на страхах толпы. Аристократам — чтобы рядиться в тогу «защитников света». Церкви — чтобы держать паству в ежовых рукавицах веры. Инквизиции — чтобы оправдать каждый свой шаг. Кто лучший враг для Света, как не его вечная противоположность? — Он опустил взгляд на Арчи, в глазах вспыхнул холодный огонь. — Но настоящий вопрос... почему Император допустил это? Почему не обуздал Церковь и её свору? — Резко оборвал себя, махнув рукой. — Не наше дело. Не сейчас.

Холод внутри Арчибальда сгустился в тугой ком, сдавливая горло. Последний вопрос он выдавил с трудом:

— А как научиться настоящему контролю? Что будет после основ?

Мелестий долго смотрел на него. Усталое лицо — непроницаемо.

— «Настоящему»? Контроль — не волшебный щит, который включается раз и навсегда. Это каждодневный труд. Каждая неудача — урок. Каждая победа — шаг. — Он подошёл ближе, тёмные глаза изучали лицо юноши. — Сначала я научу тебя держать силу в узде. До уровня, когда она перестанет быть угрозой для тебя самого и случайного прохожего. Когда тень будет двигаться только по твоей воле, а не по велению страха или гнева. — Взгляд стал тяжелее. — А после... если не сломаешься... если решишь, что этот путь — твой... тогда выбор за тобой. Можно углубляться в Тень. А можно... — губы искривились в презрительной усмешке, — переключить усилия. Сосредоточиться на дополнительном канале магии. Пиромантия, гидромантия... Или что там у тебя будет. — Откровенное презрение сквозило в каждом слове. — Станешь посредственным пиромантом, с трудом разжигающим костёр. Жалким по меркам истинных мастеров огня. Но будешь жив. В относительной безопасности от самого себя. Скучная, серая, но безопасная жизнь. — Он презрительно фыркнул. — Решать тебе.

Предложение висело в воздухе, отравленное ядом его презрения. Спокойная жизнь... Безопасность... Арчибальд мог бы попытаться. Быть посредственным, но в безопасности. Не вызывать страха. Не быть изгоем.

Но другой голос, тихий и настойчивый, шептал изнутри: редкость... мощь... Тень двигалась по его воле. Пусть чуть-чуть — но это была его сила. Сила, способная дать нечто большее, чем жалкое существование. Сила, которая однажды — если Император наведёт порядок, если Церковь утратит власть, если Тень снова станет уважаема — могла бы вернуть ему статус, уважение, место в мире.

Но это было «если». Огромное, зияющее «если».

А пока — страх, изоляция, ненависть. Тяжёлый камень выбора упал в душу, отзываясь глухой болью.

Коротким, резким кивком Мелестий отпустил его. Арчибальд встал — ноги ватные. Поклонился, пробормотав: «Магистр», и вышел в прохладный полумрак коридора. За спиной оставался гнетущий холод и ощущение развилки, ведущей в неизвестность.

ИНТЕРЛЮДИЯ. МЕЛЕСТИЙ

Мелестий не шелохнулся сразу. Он сидел за столом, погружённый в тени. Кончики пальцев, лежащие на чёрном браслете, казались бледными пятнами. Тишина лаборатории нарушалась лишь тихим потрескиванием свеч.

Внезапно позади него, из самого густого скопления теней в углу, начало вытягиваться нечто. Фигура, напоминающая человека, но выше обычного роста раза в полтора. Очертания дрожали и колыхались, как дым на ветру.

— Обучишь его? — слова вдавились прямо в сознание. Тон ровный, утверждающий.

Мелестий не повернул головы. Лишь мышцы челюсти напряглись.

— Нет. Пока не время. — Ответ тихий, отчеканенный. — Риск велик. Слишком много глаз. Слишком много незваных гостей в этих стенах.

Силуэт медленно кивнул. В том месте, где должны быть глаза, вспыхнули два уголька кроваво-красного света, на миг

осветив угол зловещим багрянцем. Фигура распалась, растворилась в окружающем мраке без следа.

Мелестий цокнул языком — звук, полный раздражения. Резко поднял руку ладонью вверх. Из тонких щелей между каменными плитами выплыли две небольшие, но невероятно плотные капли тьмы. Замерли перед ним, пульсируя едва уловимо.

— Присмотри за ним, — бросил он первой. Лёгким движением головы указал на дверь. Капля мгновенно стекла в ближайшую трещину, исчезая.

Взгляд упал на вторую. На лице Мелестия мелькнула тень сомнения. Губы сжались в тонкую линию. Он резко выдохнул — будто выталкивая неприятное решение.

— Отправляйся к Вейланду. — Голос отрывистый, с нажимом на последнее слово. — Передай: давление растёт.

Вторая капля замерла на миг, подтверждая приказ, и бесшумно растеклась по плитам.

Мелестий остался один. Синий свет рун отбрасывал причудливые пляшущие тени. Предчувствие надвигающейся грозы висело в воздухе. Первая ступенька пройдена. Игра

теней началась по-настоящему.

А в сердце Арчибальда уже бушевала своя буря — буря выбора между спокойной посредственностью и мрачной, опасной силой Тени.

ГЛАВА 4. ТЕНЕВОЕ ЗРЕНИЕ

Осенний дождь барабанил в высокие окна, срывая последние багряные листья с клёнов, что стояли стражами по периметру парка. В комнате — тишина, лишь поскрипывание пера в руке Арчибальда и дальний вой ветра в печных трубах.

На коленях лежали два письма из Лугаса. От бумаги пахло воском и домом — запах вызвал из памяти камин в храмовой библиотеке и терпкий аромат сушёных трав, которыми Мириам перекладывала бельё.

Письмо Элайзы — длинное, путаное, тёплое. Мелкий то-ропливый почерк, лист за листом: о пегом жеребёнке у мельника, об урожае яблок, о том, как ей не хватает их долгих бесед о звёздах и древних картах. Читая, Арчи видел солнечных зайчиков в пыльном воздухе храмового сада и слышал её звонкий смех. Он мысленно пообещал описать столицу в ответном письме — взмывающие в небо шпили, шумные рынки, мосты над рекой — и опустить мрачные подвалы, колючие взгляды, давящий страх.

Письмо Феликса — короткое и твёрдое, как отточенный клинок. Без нотаций. Сдержанные расспросы об учёбе, со-

вет «держат ум ясным, а сердце — чистым, ибо сила есть инструмент, а не цель». И лишь в конце, вскользь брошенной фразой — о тревожных слухах с южных границ: участились стычки имперских патрулей с наёмниками Вольных Городов, напряжение растёт.

Он сложил листы, погладил шероховатую бумагу, спрятал в ящик стола под стопку конспектов. Три месяца в столице сделали его старше и бесконечно далёким от наивного мальчишки, боявшегося собственной тени. Теперь он по крупицам учился ею управлять.

Живот предательски заурчал. Арчи вздохнул, поднялся и направился в столовую — туда, где жизнь Академии была ключом, оглушительным и чужим.

Столовая встретила его волной звуков, тепла и густых запахов: ржаной хлеб, сладковатая овсянка с мёдом, дымок от огромной печи. Он взял поднос с кашей и направился к привычному месту у дальней колонны — тихому островку для наблюдения без лишнего внимания.

Сегодня уединение нарушили. Эвелин, Артур и Ричард уже сидели за общим дубовым столом и оживлённо обсуждали что-то. Артур широко взмахнул рукой:

— Арчи! Иди к нам, хватит там жаться!

Он на мгновение замер, кожей ощутив привычные колючие взгляды. Затем глубоко вдохнул, шагнул через невидимый барьер и поставил поднос рядом.

— Вы не поверите! — Эвелин сияла, даже не притронувшись к каше. — Магистр Луан обмолвилась утром, что в Академию прибыли два архимага из Совета Восьми. Будут присутствовать на занятиях и присматривать перспективных учеников.

— Кто именно? — Артур отложил ложку, в глазах вспыхнул азарт. — Вальдорейн в Совете, но речь ведь не о нём? Кто приехал?

— Архимаг Игнис Феррокс, Командующий боевых магов! — Эвелин понизила голос до конспиративного шёпота. — И Архимаг Серафина Люмен, личный целитель Императора.

— Феррокс? — глаза Артура вспыхнули. — Вот это шанс! А ты чего притих, Арчи? — он подтолкнул его локтем. — Тебе передаётся угрюмость и нелюдимость наставника? Вам тоже следует посмотреть на архимагов.

Арчи усмехнулся, отодвигая пустую тарелку:

— Мелестий из лаборатории даже на совет Академии не выходит. Вряд ли он жаждет внимания высшего света. Но за Люмен, — он повернулся к Эвелин, — наблюдать было бы интересно. Говорят, она видит не болезнь, а сам поток магии жизни в живом существе.

— Она лечит сломанные кости за секунды, а раны затягиваются практически без шрамов, — с благоговейным трепетом произнесла Эвелин. — Люмен — сильнейший целитель империи. То, что она творит, — чудо.

— Чудо — это когда тебе платят звонкой монетой за уникальные умения, — невозмутимо заметил Ричард, размешивая кашу. — А лечить — одно из самых доходных ремёсел. Спрос всегда высок, особенно в приграничных гарнизонах. — Он помедлил и добавил с лёгкой язвительностью: — Хотя визит таких шишек редко сулит хорошее простым людям.

Арчи встретился с ним взглядом. Вспомнились слова Феликса о стычках на границе. Но заразительный энтузиазм друзей оказался сильнее.

Из столовой компания вывалилась в высокий сводчатый коридор. Здесь было прохладнее, эхо шагов гулко отражалось от каменных стен.

— Я побежала, — Эвелин хлопнула себя по лбу. — Надо просмотреть труды Архимага Люмен до её возможной лекции.

— А я на артефакторику, — Ричард поправил сумку. — Сегодня разбирают экономику массового зачарования низкоуровневых оберегов для армии.

— Погодите! — Артур шагнул вперёд, перекрывая путь. — Сначала в зал боевой магии. У меня спарринг с Ленгардом. Посмотрите, поддержите. — Он смотрел на Эвелин, но жест включал и Арчи. — Эви, твоя Люмен ещё не приехала, успеешь.

Эвелин заколебалась, метнула взгляд на фолиант под мышкой, затем — на Арчи.

— Идём, Арчи! — она легко подхватила его под локоть. — Тебе надо хоть иногда видеть что-то кроме пыльных фолиантов и... ну, сам знаешь.

Прикосновение было неожиданным, тёплым. Кровь ударила в щёки. Он позволил увлечь себя, смущённо улыбаясь. Артур на долю секунды застыл, улыбка его стала напряжённой, а взгляд скользнул по руке Эвелин, лежащей на рукаве

Арчи. Он тут же пожал плечами с показной лёгкостью и двинулся вперёд, возглавляя процессию.

— Точно! Развею твою осеннюю хандру! Глядишь, зарядишься правильным боевым духом. Ричард, идёшь?

— Нет, насилие меня не привлекает. — помахав им, он ушёл.

Зал боевой магии поражал размерами. Огромная палата с каменными плитами, освещённая парящими под сводом сферами дневного света. Воздух гудел от заклятий усиления, звенел от ударов тренировочных мечей, пах потом и кожей. В центре — главная учебная арена, восьмиугольный помост, испещрённый рунами сдерживания с пульсирующим сиреневым свечением.

Инструктор, он же глава факультета боевой магии Магистр Грин — суровый великан с бритой головой и бычьей шеей, в кожаном дублете со стальными пластинами — больше походил на орка, чем на человека.

— Грэйвс, жди. Сначала посмотри, как другие ошибаются.

Артур присоединился к группе ожидающих. Арчи и Эве-

лин устроились на скамьях возле стен. Осматривая зал, он заметил Его.

— Это он, — шепнул Арчи, указывая кивком в конец зала. Сомнений не было, хотя он его никогда не видел.

Эвелин посмотрела — и сглотнула.

— Ты чувствуешь его мощь? — спросила она неуверенно.

Арчибальд чувствовал.

В дальнем конце, в тени у массивной колонны, неподвижно стоял Архимаг Игнис Феррокс. Тёмно-синяя мантия почти сливалась с камнем, но золотая вышивка на плечах — языки пламени — мерцала тусклым золотом. Воздух вокруг был гуще, искажал очертания и глушил голоса, образуя островок гнетущей тишины. Он молча наблюдал, руки в латных перчатках скрещены на груди. Лицо, изборождённое шрамами, — холодная, оценивающая концентрация. Его присутствие ощущалось как приближение грозы: спины выпрямлялись сами, улыбки гасли.

Артур, увидев Командующего, напрягся. Бравада исчезла, сменившись сосредоточенной, почти мрачной серьёзностью. Он не сводил глаз с арены, но каждый нерв был натя-

нут струной под незримым взглядом архимага.

— Грэйвс, Ленгард! На арену! — хрипло крикнул Грин.
— Покажите, чему научились.

Поединок начался на равных. Клинки скрестились в центре, несколько минут противники парировали и атаковали с одинаковой яростью. Но постепенно грубая сила и магическое усиление Михаила начали подавлять. Атаки становились мощнее и агрессивнее, Артур отступал к краю помоста, каждый новый блок отдавался болью в запястьях. Он проигрывал, и это становилось очевидно всем.

Арчи наблюдал молча, но ум работал холодно и отстранённо. Он видел паттерны: Михаил атакует по дуге сверху вниз, после каждого третьего удара на мгновение открывает левый бок. Артур парирует чисто, но тратит слишком много сил, отступает по прямой, не сбивая ритм. «Нырок влево, удар плашмя, чтобы отвлечь. А потом...»

Артур пошёл на отчаянный риск. Вместо того чтобы принять очередной сокрушительный удар, он сделал резкий нырок в сторону. Тренировочный меч Михаила со скрежетом чиркнул по наплечнику, развернув Артура вокруг оси. Используя мгновенную паузу, он швырнул свой меч плашмя, как метательный диск, прямо в центр фигуры противника.

Михаил инстинктивно отбил летящий клинок. Мгновения хватило. Тело Артура стремительно изменялось — кожа на руках потемнела, стала шероховатой и твёрдой, как гранит. Михаил, уже делая почти победный выпад, не успел среагировать. Артур левой рукой, покрытой каменной кожей, отбил клинок в сторону; в месте удара высекся ослепительный сноп искр. Развернувшись на пятке всем телом, он всадил правый кулак в солнечное сплетение противника.

Глухой, тяжёлый удар. Сиреневое свечение рун вспыхнуло ярче, поглощая разрушительную силу, доспехи Ленгарда вспыхнули защитным светом. Но и смягчённой силы хватило. Михаил рухнул на пол — глаза закатились, дыхание хриплое.

Тишину взорвал резкий окрик Грина.

— Оригинально, Грэйвс! Каменную кожу применил эффектно... и эффективно. Победа твоя, но подумай: если бы твой последний удар не прошёл, то остался бы без оружия. Каковы шансы на победу тогда? Каждый шаг должен быть продуман.

Артур, тяжело дыша, стоял над поверженным противником. На разгорячённое лицо медленно возвращалась побед-

ная улыбка, и никакая лекция Магистра не могла омрачить момент победы.

Эвелин захлопала, лицо сияло восхищением.

— Отлично, Артур! Абсолютно нестандартно! — Она импульсивно развернулась к Арчи, схватив его за руку. — Видишь? На что способен нестандартный подход? Ты тоже так сможешь!

Её пальцы наткнулись на шероховатость старого шрама на его запястье. Взгляд Эвелин расфокусировался.

— Погоди... старый шрам. На лекциях рассказывали о новой методике... Можно не просто заживить, а полностью регенерировать ткань! Дай попробую?

Артур в этот миг обернулся к ним. Его взгляд скользнул по руке Эвелин, сжимавшей рукав Арчи. Улыбка застыла, сделалась натянутой. В глазах мелькнула не ревность — быстрая, холодная тень тревоги. Но он тут же сгладил резкость, широко улыбнувшись.

— Видели?! Вот это тактика! Не ожидал он такого! Идёмте, отпразднуем!

— Отличный бой, — кивнул Арчи и понизил голос: — Архимаг Феррокс с самого начала не сводил с тебя глаз.

Артур повернулся к колонне. Игнис Феррокс стоял неподвижно, взгляд устремлён на арену. Лишь на секунду — будто почувствовав взгляд Артура — архимаг перевёл глаза на него. Холодный, оценивающий взгляд скользнул с ног до головы, задержался на кулаках и так же медленно, без тени одобрения или порицания, вернулся к новым бойцам. Это была не похвала. Это была оценка.

— Может, показалось, — пробормотал Артур, и энтузиазм его заметно поутих.

Арчи посмотрел на арочное окно — косые струи дождя без устали стекали по стеклу. Он вздохнул и встал, аккуратно высвободил руку из пальцев Эвелин.

— Мне пора. Мелестий ждать не будет. Великолепное зрелище, Артур.

— Спасибо! Держись там. — Артур хлопнул его по плечу.

ИНТЕРЛЮДИЯ. АРТУР.

Дверь за Арчи закрылась. Улыбка Артура растаяла мгновенно. Проводив друга грустным взглядом, он обернулся к Эвелин.

— Эви... мы ведь друзья?

Она удивлённо подняла глаза:

— Конечно. Что такое?

Он вздохнул, проводя рукой по волосам.

— Позволь дать тебе дружеский совет. Не стоит на людях так открыто проявлять энтузиазм к Арчи.

Эвелин нахмурилась:

— Почему?! Я просто поддерживаю друга. Он одинок, ему тяжело...

— Понимаю. — Голос Артура стал мягким, но твёрдым.
— Ты добрая. Искренняя. Но люди видят другое. Они видят

подающую надежды целительницу со Светлой магией, которая водится с Теневым магом. — Он посмотрел прямо, без укора, но с тяжёлой прямоотой. — В этих стенах клеймо ставится быстрее любого заклятья. Тебя начнут ассоциировать с ним. Шептаться за спиной. А потом и Инквизиция заинтересуется, почему юная ученица света так тепло относится к потенциальной угрозе.

Он положил ей руку на плечо — жест старшего брата.

— Я говорю это, потому что беспокоюсь о тебе. О твоём будущем. Ты хочешь лечить людей — для этого нужно безупречное доверие. А доверия не будет к той, кого видели в компании... сама понимаешь. Он хороший парень, но тень есть тень. — Артур замолчал, давая словам осесть. — Будь добра к нему. Но на расстоянии. Ради него же... и ради себя.

Эвелин аккуратно убрала его руку с плеча. С вызовом посмотрев ему в глаза.

— Я сама буду решать, как и с кем себя вести. Вести себя так, чтобы угодить кому-то, я не собираюсь. — она вздохнула, успокаиваясь. — Артур, ты с ним общаешься, неужели и ты веришь в эти сказки? Неужели ты считаешь его злом, как описывает их церковь?

— Нет, конечно. — смутился Артур, но не отступил. — А ты думаешь, ваша открытая дружба скажется только на тебе? Не думала, как на это посмотрит инквизиция? Дружба тени и света явно против их догм. И с кем легче разобраться — с аристократкой или с неизвестным простолюдином-теневиком? Лучшая защита для таких, как он, — это держать дистанцию с остальными.

Эвелин привыкла полагаться на свои чувства, и такая рациональная позиция Артура пошатнула её уверенность в правильности своих поступков.

— Я понимаю, прости, что так резко среагировала. — Она печально улыбнулась. — Наш мир жесток.

Влажный воздух подземелий встретил Арчибальда привычной прохладой. Спускаясь по винтовой лестнице, он машинально потёр запястье. После вчерашних тренировок тело ныло, но в полумраке эта боль казалась чужой.

И тут он что-то почувствовал. Краем глаза. В нише, где тускло горела магическая сфера, одна из теней дрогнула — резкое, угловатое движение. Арчи замер. Вгляделся вглубь коридора. Ничего. «Показалось. Нервы после всего этого

шума...» Но ощущение чужого присутствия не отпускало до самых дверей.

Войдя в лабораторию, он увидел наставника. Мелестий стоял спиной, склонившись над столом. Напряжённая осанка говорила яснее слов: не в духе.

— Опоздал. — Низкий скрипучий голос, не оборачиваясь. Хотя Арчи пришёл даже раньше. — Приступай.

Начались обычные тренировки: медитация, изнурительные упражнения по удержанию крошечной частицы тени на кончиках пальцев. Арчибальд провалился в знакомое состояние сосредоточения, где не существовало ни Феррокса, ни насмешливых взглядов, ни Эвелин, сжимающей его руку, — только воля и послушная, хоть и строптивая, магия.

Когда наставник едва заметно кивнул, он перешёл к новому.

— Хватит. Сегодня — практика. Смотри.

Он сжал пальцы в лёгком, почти небрежном жесте. Тень в дальнем углу — густая, непроглядная — ожила. Оторвалась от пола, вытянулась, обрела форму, похожую на человеческую, но безликую, и, плавно скользнув к столу, подняла

старый манускрипт. Через мгновение фолиант лежал в руке Мелестия.

У Арчибальда перехватило дыхание. Не от демонстрации силы — от сходства. Точь-в-точь то самое движение в коридоре. Угловатый, неестественный рывок. Сердце забилося тревожно, но спрашивать он не стал. Настроение наставника не располагало.

— Основа управления тенью — Теневая Рука. Тень — продолжение тела. Воля — её мускулы.

Тень у запястья Мелестия сгустилась, оплела пальцы перчаткой из чистой ночи, затем вытянулась на целый метр. Кончик коснулся плеча Арчи — лёгкий, как паутина, и холодный, как могильный камень.

— Твоя очередь. Сосредоточь силу на ведущей руке, волей. Заставь оплести запястье, чувствуй поток. Представь, как она удлиняется. Она должна подчиняться беспрекословно.

Два часа изнурительного труда. Тени извивались, рвались наружу — то растекались бесформенной лужей, то сжимались в тугой болезненный узел. Арчи покрылся испариной, закусил губу до крови. Но к концу занятия сгусток тьмы ста-

бильно облегал его кисть и по мысленному приказу вытягивался — дрожащий, слабый, но уже подконтрольный. Он сдвинул с места пустой пузырьрёк.

Мелестий наблюдал молча. Когда Арчи опустил обессиленную руку, из груди наставника вырвалось короткое сухое хмыканье. Довольное.

Арчи набрался храбрости:

— Магистр, по пути сюда мне показалось, что за мной наблюдают. Что тени шевелятся сами по себе.

Мелестий замер. Чёрные глаза расширились от неподдельного удивления.

— Показалось? — резко переспросил он. — После вашей демонстрации... я не уверен.

Он проделал несколько сложных пассов пальцами. Лаборатория вздохнула, тени задвигались живее.

— Оглядись. Ищи необычное. Глубину. Движение там, где его не должно быть.

Арчибальд повиновался. Сначала — хаос пляшущих те-

ней от свечей. Затем, напрягая зрение, заставляя себя смотреть не глазами, а чем-то иным, он начал замечать. Под толчком одна тень была неестественно густой и неподвижной, в то время как другие колебались. В углу — ещё одна, отличная по консистенции.

— Вижу. Три. Четыре. Они другие.

Мелестий смотрел с неподдельным интересом.

— Любопытно. — Голос его стал тихим. — Слушай и запоминай. То, что ты продемонстрировал, — не просто чуткость. Это редкая способность нашей магии. Теневое Зрение. Способность различать саму суть теней — глубину, плотность. Читать их. Видеть то, что скрыто от всех.

Он замолчал, вновь обретая привычную суровую маску.

— Но не думай, эта способность не настолько редкая, чтобы ты возомнил себя особенным. — Короткая сухая усмешка. — Иди. Изучи манускрипт. На столе ещё несколько, возьми их и осваивай в свободное время.

Арчи вышел, держа стопку старых книг в дрожащих руках. Дверь за спиной закрылась, оставив его наедине с густеющим мраком коридора. Но теперь этот мрак был полон но-

вых смыслов и больше не пугал.

ГЛАВА 5. БРАТЬЯ

Воздух в преддверии зимы стал колючим и прозрачным — никакой прелой листвы, только лёгкий металлический привкус грядущих морозов. Арчибальду исполнилось пятнадцать. Утром он в третий раз перечитал письмо от Феликса.

«Арчибальд, поздравляю с твоим пятнадцатилетием. Возраст — это не только годы, но и мудрость, которую мы собираем по крупицам. Желаю тебе видеть не только глазами, но и сердцем. Академия даёт знания, но как распорядиться ими — решать только тебе. Деревня помнит тебя, Элайза шлёт молитвы. С верой в тебя, твой Феликс».

Сердце сжалось от щемящей тоски по дому. Слова согрели, но тоска оставалась.

Утром случилось ещё одно событие. Казалось, сама суть Империи явилась к воротам Академии в облике человека. Кассиан Грэйвс — старший брат Артура — был живым воплощением её доктрины. Тёмные, коротко остриженные волосы, решительный подбородок. То же открытое мужественное лицо, что у Артура, те же серые глаза. Но если во взгляде младшего читалась юношеская пылкость, то глаза Кассиана

оставались холодны и спокойны — поверхность озера перед грозой.

Сияющий Артур привёл его в общую гостиную первого док. В камине потрескивали поленья, наполняя комнату теплом. Ричард оценивающе скользнул взглядом по доспехам. Арчибальд стоял поодаль, с искренним интересом разглядывая настоящего имперского командира.

— Ну, брат, как там на южной границе? Грелся под солнцем, пока мы над свитками корпим? — Он уселся рядом.

Кассиан усмехнулся, в глазах отразились языки пламени.

— Солнце палит немилосердно, но не до отдыха. Несём службу у Красных скал, охраняем торговые пути. Земли дикие, а разбойники — как шакалы: почуют слабинку и тут как тут.

Он откинулся назад. Низкий, уверенный голос завораживал. Артур впитывал каждое слово — он не просто слушал, он видел себя на месте брата, чувствовал вес щита и холодную рукоять клинка. Кассиан был живым воплощением всего, к чему следовало стремиться боевому магу.

— Случай был на прошлой луне. Обоз с припасами для

гарнизона. Ущелье глухое, скалы голые. Вдруг — свист. С гребня — ливень из стрел.

Кассиан прикрыл глаза, вспоминая произошедшее.

— Думали, обратятся в бегство. Я скомандовал: «Стену щитов». А сам с двумя ребятами — направо, по осыпи, в обход. Подъём крутой, камни зыбкие, но взобрались. А они, спинами к нам, целятся из луков. Мы — с тыла. Их главарь, здоровенный громила с секирой, взревел и на меня... — Кассиан скупно улыбнулся. — Даже магией усиливаться не пришлось. Парировал удар эфесом по кисти, корпусом в него, короткий клинок под ребро. Дорога свободна.

Он выдержал паузу и откинулся на спинку кресла.

Артур смотрел с обожанием. Ричард — скептически. Арчи слушал, замороженный живой солдатской былью.

Взгляд Кассиана упал на него. Добродушная снисходительность на лице лейтенанта сделалась натянутой.

— Арчибальд из Лугаса, если не ошибаюсь? Тот самый, кого определили в теневую магию.

Арчи молча кивнул, не отводя глаз.

— Сила — великая вещь. — Голос Кассиана обрёл стальные грани. — Но любая магия должна служить Империи. Свету. Фаэрону. Империя позволяет ваше ремесло лишь для упокоения и снятия скверны. Всё, что сеет сомнение, раздор, страх, — подобно ржавчине. Разъедает стальную волю изнутри. Помни об этом, парень. Тёмная магия, не обузданная доктриной, — путь предательства. Она предаст тебя самого. Всегда.

Он тяжело поднялся. Лицо смягчилось, когда он обратился к брату:

— Мне пора. Проводишь до ворот?

— Конечно! — Артур вскочил. Бросил на ходу: «Ребята, я скоро!» — и выбежал вслед за Кассианом. Звонкие шаги затихли в коридоре.

В гостиной воцарилась тягостная тишина. Арчибальд стоял, опустив глаза, всё ещё чувствуя на себе лёд слов Кассиана. Неосознанно поглаживая конверт от Феликса, ища утешения. Пальцы наткнулись на неровность бумаги. «Как распорядиться ими — решать только тебе».

Тишину нарушил спокойный голос Ричарда. Он не вста-

вал с кресла, наблюдая за Арчи, как учёный за проблемным, но интересным экспонатом.

— Фанатики и солдатня. Готовы похоронить целый арсенал возможностей лишь потому, что их прямолинейное мышление не способно в нём разобраться. Догмы, предрассудки, страх. Самая нерациональная трата ресурсов.

Он покачал головой. В глазах — не злость, а презрительная жалость к такой расточительности.

— Подумай: разведка, мгновенная передача сообщений, маскировка, нейтрализация угроз... Армия должна была бы покровительствовать теневым в обучении. Вместо этого они пугают необразованных крестьян и травят самых перспективных специалистов. Глупость, возведённая в абсолют. Не принимай на свой счёт. Это не к тебе претензия. Это приговор их системе.

Лёд в груди понемногу таял, сменяясь странным чувством. Не жалость и не привычная поддержка. Признание. Признание его силы не как проклятия, а как ценного ресурса. Ричард, холодный и прагматичный, видел в его даре то, чего не видел даже сам Арчибальд: не угрозу, которую нужно сдерживать, а инструмент, который можно применить с выгодой.

Впервые Арчи почувствовал не укол страха или стыда, а возмущение. Тихое, затем всё нарастающее. Против Кассиана, говорившего о его магии с высокомерным невежеством. Против системы, готовой заклеить, даже не попытавшись понять. Против Мелестия с его вечными остротами.

Мысль сбежать от своей сущности, стать «посредственным магом» вдруг показалась не просто трусостью, а личным оскорблением — по отношению к той силе, что жила в нём, к потенциалу, который только что так хладнокровно оценил Ричард.

Он ничего не ответил. Лишь поднял голову и разжал пальцы, сжимавшие письмо. Внутри что-то переключилось. Арчи начинал понимать: чтобы с тобой перестали говорить свысока, нужно сначала самому перестать смотреть себе под ноги.

Вечер застал троих в комнате. Напряжение от утреннего визита всё ещё витало в воздухе. Ричард, развалясь на кровати, сверялся с записями по артефакторике. Артур с яростным упорством начищал эфес тренировочного меча — будто пытался стереть с металла невидимую грязь. Арчи, присло-

нившись к подоконнику, наблюдал, как последние багряные лучи умирают на отполированной стали.

— Арчи, передай книгу, а то не могу отвлечься, — с напускной занятостью произнёс Ричард.

На полке, в метре от Арчи, лежала книга, которую Ричард безуспешно пытался достать взглядом последние десять минут.

— Лень вставать, так и скажи.

Он не шевельнулся — лишь протянул руку. Тень оторвалась от стены, извилась упругой живой лентой, мягко обвила потрёпанный корешок и плавно поднесла книгу к изумлённому Ричарду.

Тот поймал фолиант, и на его лице расплылась хитрая улыбка.

— Удобно. Найм прислуги отменяется. Если наладишь такую доставку конфиденциальных писем — скажи. У меня на это есть спрос. Доля твоя.

Артур швырнул тряпку на постель.

— Можно было просто встать! Зачем использовать это вот так, для глупостей?!

В его тоне звучало не просто раздражение, а то самое неприятие, о котором говорил брат. Но, встретившись с поражённым взглядом Арчи, он на мгновение смутился и отвёл глаза.

Повисло неловкое молчание. Арчи отвёл взгляд. Ричард флегматично перелистнул страницу.

— Успокойся, Грэйвс. Твоя сталь тоже для битв создана, а ты ею орехи колотишь. Всему своё применение.

Артур что-то проворчал и снова уткнулся в эфес.

Недели после визита Кассиана сплелись в монотонное полотно. Ранние зимние сумерки наступали стремительно, окрашивая коридоры в синевато-серые тона. Утренний рассвет запаздывал, цепляясь за шпили башен. Отчуждение стало привычной мантией. Взгляды однокурсников — быстрые и колючие — больше не заставляли съёживаться. Он научился встречать их ледяным безразличием, за которым пряталась усталость. Он больше не пытался слиться со стеной —

просто шёл, погружённый в себя, и люди невольно расступались. Тень, некогда предательски живая, теперь двигалась послушно и точно.

Однажды, блуждая по пустынным вечерним коридорам, он отпустил её немного вольнее. Мир погрузился в привычные серые тона Теневого Зрения. И тут он заметил аномалию. Одна из теней скользила вдоль стены нарочито, порывисто — будто манила. Присмотревшись, Арчи узнал в её плотной, почти осязаемой текстуре и холодном магическом отпечатке почерк Мелестия. Соглядатай. Доверяя наставнику, он позволил вести себя.

Тень привела к выходу в академический сад, а затем — в дальний угол, где высокие стены увивал спящий плющ. Арчи замер. У ствола старого ясеня стоял инквизитор — молодой, с напряжённым лицом, взгляд беспокойно скользил по аллеям. Арчи узнал его: он часто появлялся в Академии.

Глубокий вдох. Уроки контроля ожили в памяти. Внутренний холод растёкся по жилам, собственная тень поднялась и обволокла его с головы до ног плащом из жидкого мрака. Не идеальный камуфляж — вблизи силуэт можно разглядеть, — но для вечерних сумерек, для беглого взгляда издалека хватало. Он стал призраком.

Из-за завесы плюща доносились приглушённые голоса. Арчи приблизился и замер в глубокой нише под сенью дуба, слившись с деревом и мраком. Говорившие были далеко — он не рискнул подходить ближе. Вспомнив одно полезное заклинание из манускрипта Мелестия, он мысленно вытянул свою тень, истончил до почти невидимой нити и пустил по земле. Чудовищная концентрация. В висках застучало, в глазах потемнело. Сила вытекала, как вода сквозь пальцы. Нить дрожала и рвалась, но на пике усилия ему удалось на мгновение коснуться теней у ног говорящих. Этого хватило, чтобы уловить вибрации, послушно переводимые тенями в обрывки фраз.

— ...ваш отчёт поверхностен, Мастер Тассар. Нам нужна конкретика. Расписания. Маршруты. С кем общаются.

— Но за ними присматривает магистр Мелестий! — залепетал знакомый голос профессора. — Я не занимаюсь их обучением...

— Мелестий следит за магией. Нас интересует лояльность. — Голос стал жёстче. — Особенно за новичком, Арчибальдом из Лугаса. Он ведь посещает ваши занятия. Пристальнее. И по старшекурсникам. У вас есть список. Вы ведь не хотите, чтобы церковь усомнилась в вашей праведности.

Сердце сжалось в ледяной ком. Его имя прозвучало как приговор. Не просто изгой — мишень в списке.

Где-то на краю сада хрустнула ветка. Часовой у ясеня выпрямился. Голоса за плющем смолкли. Торопливые шаги — инквизитор вышел из укрытия и быстрым шагом удалился по дальней аллее. Часовой, бросив подозрительный взгляд в сторону хруста, последовал за ними.

Арчи ещё несколько мгновений стоял недвижимо, прижавшись лбом к дубу. Ожидая, когда уйдёт Тассар, Арчи замер. Но тот лишь сел на скамью и молча сидел, прижав ладони к лицу. Тихо, стараясь не издавать шума, Арчи пробрался из сада. Разум бушевал, но тело действовало. Ему нужно было спокойное место, и ноги несли его туда.

Потрясённый, он почти вбежал в библиотеку, в самый дальний зал с древними фолиантами. Рухнул на стул у узкого столика, уткнулся в случайную книгу, не видя букв.

— Арчи? Что случилось?

Вздрагнул. Эвелин стояла перед ним, брови сдвинуты от беспокойства. В руках — стопка книг по целительству.

— Ничего. Всё в порядке. — Голос предательски дрогнул.

— Не ври. — Она села рядом, отложив книги. — Ты белый как полотно.

Что-то надломилось. Голос сорвался, став тихим и сдавленным, но в нём зазвучали давно копившиеся обида и горечь.

— Они все смотрят на меня как на прокажённого. Шаркаются. Шепчутся. А сегодня я слышал, как Инквизиция составляет какие-то списки. Списки тех, за кем следить особо. И я в них есть. Я — цель. Я что, просил эту силу? Выбирал её? Я не зло. Я не хочу никому вредить. Но все они уже решили, что я монстр. Даже... — осёкся, не в силах произнести имя Артура.

Эвелин слушала не перебивая. Глаза стали огромными от сострадания. Она осторожно положила тёплую руку поверх его сжатого кулака.

— Я не верю, что твой дар — это плохо. Я вижу тебя. Должен быть способ понять его. Научиться контролировать. Позволь мне помочь. Как целителю. Как другу. Мы можем изучать его вместе.

Её слова — бальзам на свежую рану. Он посмотрел на её

руку, на лицо — и не увидел ни страха, ни отвращения. Только сочувствие и интерес.

— Ради тебя же. Я не могу позволить, чтобы тебя видели со мной наедине. Из-за меня на тебя могут ополчиться.

Она кивнула. В согласии не было страха — лишь непоколебимая решимость.

— Значит, сделаем так, чтобы не видели. — Эвелин сжала его руку и тепло улыбнулась.

Они договорились о следующей встрече и разошлись. Эвелин — к занятиям, Арчи — искать Мелестия.

Он нашёл его в лаборатории. Наставник с видом могильщика разбирал какое-то животное.

— Магистр Мелестий! Я видел. Слышал. Инквизиция составляет списки. Они следят за мной. За всеми нами! — выпалил Арчи, едва переведя дух.

Мелестий даже не отвлёкся.

— И это даёт тебе право врываться без стука? — холодно заметил он, слегка подняв бровь. На лице играла едва замет-

ная ухмылка.

— Почему вы так спокойны? Почему мы ничего не принимаем? Почему не рассказать Вальдорейну? В Совет? Они не имеют права!

Мелестий медленно поднял взгляд. На измождённом лице — ни тени удивления. Вместо ответа он тихо и горько рассмехался. Этот смех был страшнее любой ругани.

— Ты думаешь, они не знают? — Наставник отложил деталь и вытер руки тряпкой. — Меня больше поражает твоё удивление. Ты и правда полагал, что если мы под защитой Академии — пока что, — то Инквизиция о нас забудет? Достался ученик... Я показал тебе это сегодня, чтобы ты понял: безопасность — иллюзия. Надо быть готовым ко всему. Они даже не скрываются. Их сила — в безнаказанности. Наш щит — в знаниях и в понимании, что единственный, кто по-настоящему заинтересован в твоём выживании, — это ты сам. И, возможно, я. Запомни этот урок.

Слова добили окончательно. Никакого коварного заговора — открытое, циничное противостояние, о котором все знают, но делают вид, что всё в порядке.

— А теперь пошёл вон. Не смей меня больше отвлекать

по мелочам.

Следующие дни обрели новое, скрытое измерение. Тайные встречи с Эвелин стали якорем. Они находили укромные уголки в безлюдных залах библиотеки, и она с прилежностью отличницы пыталась применить свои знания по анатомии магических потоков к пугающей природе его силы. Говорили шёпотом, головы близко наклонены над пожелтевшими свитками. Арчи ловил её случайные прикосновения, долгие задумчивые взгляды и чувствовал настоящую благодарность — не за попытки вылечить, а за отношение. За взгляд без страха. Правда, Эвелин частенько смотрела на него как на больного, но к этому он начинал привыкать.

Однажды, увлечённые разговором, они не заметили, как к столику приблизилась низкая сутулая фигура Мастера Орлина. Главный библиотекарь славился суровостью и неприязнью к малейшему шуму.

— Что здесь происходит? — ледяной шипящий голос раздался над головами. — Библиотека — не место для частных бесед! Немедленно...

Из-за ближайшего стеллажа появился Ричард. На лице — привычная маска деловой озабоченности, в глазах — мгновенная оценка ситуации.

— Мастер Орлин, какая удача! — Он встал между разгневанным библиотекарем и замершими друзьями. — Я как раз надеялся вас найти. По поводу того щепетильного заказа. — Он многозначительно понизил голос, взгляд скользнул по Арчи и Эвелин, давая понять, что при них лучше не продолжать. — Тот предмет, который вы так хотели заполучить... он у меня. Есть, правда, вопросы, требующие сугубо частного обсуждения.

Лицо библиотекаря изменилось. Гнев сменился настороженной заинтересованностью, а затем — поспешной готовностью.

— Да, конечно... — забормотал он, отворачиваясь от студентов. — Немедленно пройдётёмте в мой кабинет.

Ричард мягко, но неуклонно отвёл его в сторону. Уходя, он встретился взглядом с Арчи и едва заметно подмигнул. Мотивов его Арчи не понимал, но долг за ним.

ГЛАВА 6. ПОЕДИНОК СТИХИЙ

Четыре месяца учёбы, но Зал Стихийной Магии по-прежнему поражал Арчибальда. Воздух звенел от скрытой мощи и пах раскалённым камнем. В центре зала зияла прикрытая силовым барьером трещина с магической магмой — оттуда лился жар и низкий утробный гул.

Именно здесь он нашёл вторую стихию. Месяц поисков — руны, огонь, земля и наконец ветер. Для него начались уроки по этому направлению вместе с другими стихийниками. Сегодня — основа основ: Бастион из Воздуха.

Арчи стоял у края магического круга, вдавленного в пол. Его оппонент — долговязый Лоркан с факультета стихий — смотрел с пренебрежением. Преподаватель, магистр Аквина, сухая маленькая колдунья с изрезанным морщинами лицом, наблюдала ледяным взглядом.

— Арчибальд — щит. Лоркан — атака. Только ветер. Не мешкайте.

Арчи сжимал и разжимал пальцы, мысленно вспоминая защитные формулы. Лоркан сделал несколько пассивных шагов — сжа-

тый поток воздуха рванулся к цели. Арчи выбросил руки вперёд, пытаясь сконденсировать барьер. Получилось жалкое прерывистое марево. Атака даже не замедлилась — прошив «щит», она ударила в предплечье.

Арчи откинуло, и он упал, больно приложившись о пол. Со спины донёсся сдержанный шипящий смешок. Жар стыда разлился по щекам — такой же обжигающий, как пламя.

Магистр Аквина не моргнула.

— Концентрации ноль. Воздух — не стена, это поток. Его нужно направлять, а не ставить. Следующая пара. — Она вздохнула так, будто это была сотая подобная ошибка на её веку. — Ты пытаешься построить стену из ветра. Из ветра, мальчик.

Ледяной взгляд скользнул по Арчи, не задерживаясь.

— Покажите отстающему, как направляют шквал, чтобы он снёс врага, а не обдувал ветерком.

Следующая пара бодро шагнула вперёд, искоса бросая взгляды на него. Арчи, кусая губу до крови, вышел из круга. Он смотрел, как они легко и мощно парируют атаки, создавая вихрь. В голове ясно и горько пронеслось: «Тенью спра-

вился бы без усилий. Мелестий предупреждал — я обречён быть слабым стихийником».

— В лазарет, Арчибальд, — сухо бросила Аквина, скользнув взглядом по плечу, которое он сжимал.

В горячке боя он не заметил, но теперь плечо быстро опухало и ныло. Удар был сильнее, чем показалось в начале. Сжимая руку, он вышел в прохладный коридор. Гул стихий остался позади, но в ушах всё ещё звенел тот смешок. «Неужели я настолько беспомощен без Тени?» — пронеслось в голове. Пульсирующая боль вела его вперёд, мысли путались. Он и не заметил, как подошёл к дверям лазарета.

Внутри пахло травами и благовониями. Свет магических шаров отбрасывал мягкие тени на безупречно чистые каменные плиты. За рядами аккуратно заправленных коек доносилось ровное дыхание и редкий тихий стон. С дальней полки мерным гипнотизирующим звуком капала в фаянсовую чашу настойка — звук лишь подчёркивал давящую сосредоточенную тишину. Здесь даже время, казалось, текло медленнее, уважая боль и покой.

Пожилой Мастер Теодор молча наложил на плечо прохладную повязку с пастой из дурно пахнущих трав.

— Подержи. Сейчас подойдёт помощница, закончит.

Арчи сидел, глядя на белую ткань и чувствуя себя последним неудачником. Дверь отворилась — на пороге появилась Эвелин с подносом склянок.

— Мастер Теодор, я принесла... — она замолкла, увидев его. Взгляд сразу стал встревоженным. — Арчи? Что случилось?

— Щит не удержал. Мелочи. — Он буркнул, отводя глаза. Ему было стыдно.

Теодор кивнул Эвелин:

— Закончи, дитя. Мне нужно к другим.

Она поставила поднос и подошла. Движения — уверенные, профессиональные.

— Покажи. — Эвелин аккуратно размотала повязку. Пальцы — удивительно нежные.

— Ой, тебе наверняка больно... — голос стал тихим, сочувствующим. Она видела, как он избегает её взгляда. — Не переживай, без ошибок не бывает. Я на первом уроке чуть

не ослепила магистра Луан. Она была... не в восторге, мягко говоря. — Попыталась улыбнуться, но вышло неуверенно.

Её пальцы легли на опухшее плечо. Прикосновение — болезненное и одновременно приятное. Она закрыла глаза, руки озарились мягким серебристым сиянием. Жгучая боль сменилась прохладой, а затем и вовсе утихла, уступив лёгкому покалыванию кожи. Когда она убрала руку, припухлость заметно спала.

— Вот... всё должно быть в порядке. — Выдохнула, устало улыбнувшись. — Но постарайся дать руке покой.

— Спасибо, Эви. — Он посмотрел на здоровую руку. Благодарность и стыд боролись в нём, но он смог поднять глаза и улыбнуться. — Ты не должна была тратить на это силы.

— «Ученики должны знать, что исцеление не всесильно, не тратьте силы на то, что можно вылечить мазями и настоячками», — передразнила она Теодора и по-настоящему улыбнулась. В глазах появились озорные искорки. — Пустяки. Хорошая практика. Я рада помочь. Я здесь каждый день после полудня. Если что... — запнулась, — ...знаешь, где меня найти. Увидимся в библиотеке сегодня?

Он кивнул и благодарно улыбнулся. Она взяла поднос и

вышла, оставив его наедине со смешанными чувствами и странным теплом внутри — сильнее, чем от любого целительного заклинания.

После лазарета Арчибальд направился в свою комнату, надеясь побыть в тишине, когда воздух впереди сгустился и потемнел. Из глубокой тени у стены выплыл силуэт — плотная зыбкая пелена мрака, в которой угадались черты чело- века.

Голос пробился прямо в сознание, шипящий и ледяной: «В лабораторию. Немедленно».

Сердце упало. Ноги сами понесли его по знакомому пути. Он плёлся в подвал, чувствуя, как по спине бегут мурашки.

Дверь была приоткрыта, из щели сочился мерцающий фиолетовый свет. Мелестий стоял в ожидании, скрестив руки на груди. Он был зол. В углах, словно испуганные пауки, замирали и растекались мелкие юркие тени.

— Закрой дверь. — Голос тихий, почти шёпот, но в нём звенела сталь.

Щелчок замка прозвучал как приговор.

— Мои уши режет от пересудов. — Каждая тень в лаборатории замерла, став чернее и гуще. Почти ласковый тон — и от этого смертельно опасный. — Мой ученик, носитель дара Теней, умудрился потерпеть сокрушительное поражение. От ветерка. — Он медленно повернулся. — Поздравляю. Ты ухитрился не справиться с контролем самой безобидной стихии. Воздух, Арчибалд. Он для дыхания. Или для того, чтобы раздувать прах неудачников.

— Я старался, магистр... — голос предательски дрогнул. — Я делал, как учили...

— Тихо. Плохо тебя учили. — Мелестий не повысил голос, и это было страшнее любого крика. Он резким отточенным движением швырнул на пол узкий манускрипт. Листы, испещрённые свежими чернилами, разлетелись веером — угадывался его собственный, острый и размашистый почерк. — Я трачу на тебя своё время. А ты плюёшь на это, желая втереться в их стадо. — Шаг вперёд. Арчи невольно отступил. — Твои неудачи — это мои неудачи. Твой позор ставит вопрос к моему профессионализму. А я не люблю, когда сомневаются в моей компетентности.

Он ткнул длинным пальцем в разлетевшиеся листы.

— Изучи. Выучи. Прочувствуй каждый символ. И не смей

больше позорить Тень, притворяясь беспомощным. Или я найду другой способ донести до тебя мою науку. Понятно?

Не дожидаясь ответа, резко повернулся спиной. Разговор окончен. Арчи, дрожащими пальцами собирая листы, бросал в спину учителя гневные взгляды. Он выскользнул из лаборатории. Яростное, жгучее желание стать сильнее сжимало горло и заставляло тени плясать.

И он знал, где сможет тренироваться без помех, свидетелей и наблюдателей.

Запах старого камня, пыли и остывшей магии висел в заброшенном тренировочном зале Башни Теней неподвижной пеленой. В свете одинокого магического шара кружились мириады пылинок. Арчибальд, сжимая виски пальцами до боли, в сотый раз вчитывался в острые, как клинки, строки манускрипта. Перед ним на полу лежал раскрытый лист со схемой вихревого потока — изящной, сложной и абсолютно непроницаемой. Он пробовал повторить движение рук, описанное на полях, но получался лишь жалкий прерывистый порыв, не способный удержать даже пламя свечи.

Ярость — горькая и беспомощная — подкатила к горлу. Он с силой швырнул манускрипт на каменные плиты, глухое эхо гулко разнеслось под сводами. Он не просто терпел неудачу. Он упирался лбом в невидимую стену, которую не

мог преодолеть в одиночку. Мысль, что Мелестий сочтёт его безнадёжным, была острее любого ножа.

Внезапное озарение ударило, словно разряд. Один. Он всегда был один. Изгой в деревне. Изгой в классе. Изгой со своей проклятой Тенью. Он ждал, что его примут, пожалеют, помогут из милости. Но что, если перестать ждать? Что, если самому найти рычаги?

Он медленно поднял манускрипт, смахнув с пергамента серую пыль. Взгляд упал на злополучную схему. Ему нужна была помощь. Умения других.

План начал складываться в голове с холодной, почти пугающей ясностью. Он встал. Под ногами — не шаткость отчаяния, а твёрдая почва решимости.

Он нашёл Ричарда в библиотеке, в одном из тихих закоулков. Тот сидел на каменной скамье под статуей какого-то забытого архимага и вёл расчёты в толстом блокноте. Перо скрипело уверенно и деловито.

Арчи подождал, пока тот с лёгким вздохом удовлетворения поставит точку.

— Ричард. Есть свободная минута?

Ричард поднял глаза. Взгляд — холодный и оценивающий — скользнул по лицу Арчи, отмечая следы усталости и новую, несвойственную ему собранность.

— Если это не что-то ценное, сэкономь время. Мне его катастрофически не хватает.

— Как посмотреть. Это о взаимовыгодном вложении. — Голос Арчи прозвучал тише обычного, но ровно, без тени прежней неуверенности. Он шагнул вперёд и положил на раскрытую страницу лист со схемой. — Ты называл меня «интересным активом». Я предлагаю возможность оценить его в деле.

Ричард медленно отложил перо.

— Продолжай. Я слушаю.

— Помоги мне разобраться в этом. — Арчи ткнул пальцем в манускрипт. — Не в магии, а в движениях и жестах. В том, как это работает с точки зрения эффективности и затрат энергии. Мой будущий успех станет твоей лучшей рекомендацией. Я стану твоим подопытным. Живым доказатель-

ством, что теории, в которые ты вкладываешься, работают.

Ричард взял лист, изучая схему с видом эксперта, оценивающего лот на аукционе. Пауза.

— Подопытный может дать сбой. И тогда мои вложения, включая репутацию, обратятся в пыль. Ты просишь меня вложиться в актив, который несколько раз публично обесценивался. Убеди меня, что это не выбрасывание сил на ветер.

Арчи ожидал подобного. Он шагнул в пространство, которое Ричард мысленно обозначил как своё.

— Потому что раньше я пытался играть по их правилам. Теперь буду играть по своим. И по твоим. Риск — дело прибыльное, разве нет? Или ты инвестируешь только в гарантированные, а значит, посредственные и никому не интересные проекты? Магистр теней, самая таинственная фигура Тангисариума, лично написал этот манускрипт — и у тебя есть возможность его изучить. Бесплатно.

Расчёт оказался верным. Глаза Ричарда сузились, в них блеснул азарт игрока, учувшего выгоду. Он медленно кивнул.

— Допустим, я рассматриваю твоё предложение. Но моё

участие — строго конфиденциально. Никаких упоминаний моего имени без моего разрешения. — Пауза. Он достал из складок плаща матовый браслет с пульсирующим кристаллом. — И... обязательное условие. Ты будешь тестировать в том числе и мои разработки. Плата за помощь и страховка моих вложений. Согласен?

Арчи взял артефакт. Холодный металл мгновенно согрелся от прикосновения, отозвавшись лёгкой вибрацией — словно живой. Цена была названа.

— Будут ещё двое. Эвелин и Артур. Не против? — спросил он, прокручивая браслет в руках.

— Забудь об Артуре. У него свои аристократические заморочки. — Ричард фыркнул. — Хотя смотри сам, сможешь убедить — я не против.

— Договорились. — Арчи сжал браслет в ладони. Лёгкая улыбка тронула губы.

С Эвелин он действовал иначе. Нашёл её в лазарете, среди шёпота больных и влажного воздуха, пахнущего спиртом и целебными цветами. Она копалась у корней огромного рас-

тения с сияющими, как лунный камень, бутонами.

— Эви. — Окликнул тихо, чтобы не спугнуть.

Она обернулась, на лице — лёгкая тревога.

— Арчи? С тобой всё в порядке?

— Лучше некуда. Посмотри, что я нашёл. — Он сразу раскрыл манускрипт на нужной странице. Подход — точный, как удар лучника. — Мелестий описал энергетические потоки так, как я никогда не видел. Я почти понимаю принцип, но мне не хватает твоего взгляда. Твоего знания о том, как энергия взаимодействует с живой материей, как она течёт и питает её. Это же... нестандартно!

Сработало идеально. Будущий целитель вытеснил с её лица нежную Эвелин. Она смахнула землю с рук и почтихватила лист.

— Богиня милосердия... Это совсем иной принцип! Не просто «направляй силу», а «создай резонанс,стройся в существующий поток»... Это гениально! — Она посмотрела на Арчи, и он увидел в её взгляде не жалость, а жгучий, ненасытный интерес. В порыве энтузиазма она неосознанно схватила его за рукав, чтобы подтянуть к манускрипту, и тут же

отпустила, смущённо покраснев. — Ой, прости! Просто... конечно, я помогу! Мы обязаны это разобрать! — Она откашлялась, стараясь вернуть себе деловой вид, но лёгкий румянец всё ещё пылал на щеках.

«Двое есть. Остался один. И я знаю, где его искать», — подумал Арчи.

С Артуром он попытался применить ту же тактику, подкараулив его после выигранного спарринга. Тот был на взводе — победный задор и юношеское чванство.

— Артур, мне нужен твой совет. — Арчи играл на тщеславии. — Как лучший боец на курсе. Твои атаки — идеальный эталон, чтобы проверить любую защиту. — Незаметно проверяя реакцию, Арчи продолжил: — Помоги мне стать сильнее. Как инструктор.

Артур сначала расплылся в самодовольной улыбке, грубо хлопнув его по плечу:

— Наконец-то ты заговорил как мужчина! Фехтование у тебя действительно слабое. Конечно, я...

Взгляд его упал на группу учеников из знатных семей, проходивших мимо. Улыбка потухла, осанка ссутулилась. Он отвёл глаза.

— Арчи, я... не могу. — Голос понизился до бормотания. — Кассиан... мой брат... он строго-настрого... — Сглотнул, выглядя вдруг очень юным и несчастным. — «Репутация семьи дороже твоих дружеских симпатий». — Процитировал чужие слова, полные холодного высокомерия. — Он узнает — мне несдобровать. Прости.

Болезненный, но отрезвляющий удар. Его план разбился о монолит семейных предрассудков и страха. Стены бывали разными. Арчи просто кивнул — не упрасывая, не показывая обиды.

— Всё в порядке. — Нарочито бодро сказал Арчи. — Семья есть семья. Увидимся. — И развернулся, оставив Артура разбираться с внезапно нахлынувшим стыдом. Урок усвоен. Не все двери открываются только по желанию.

«Что ж, трое лучше одного», — подумал Арчи. Их импровизированной площадкой для тренировок снова стал заброшенный зал Башни Теней. Теперь, с приходом Ричарда

и Эвелин, он казался не логовом отчаяния, а местом тайных операций. С возвращением магии в эти стены зал выглядел менее заброшенным.

Они склонились над разложенными листами манускрипта: Ричард разложил их в строгом порядке, Эвелин испещрила собственными пометками на полях.

— Смотрите, — тыкал длинным пальцем Ричард, и голос его звучал с непривычным азартом учёного. — Он не просто говорит «создай барьер». Он разлагает процесс на формулы! Угол атаки, сила направления магических частиц... Это чистая рациональная инструкция! Эффективность выше в разы!

— И посмотрите сюда! — воскликнула Эвелин, её глаза сияли. — Он описывает поток не как внешнюю силу, а как продолжение собственной энергетической системы мага! Нужно не толкать воздух, а направлять его, чувствовать, как он струится, как дыхание! Это как естественный процесс тела, а не контроль силой!

Арчи слушал, и разрозненные фрагменты пазла начинали складываться. «Это воздух, Арчибальд. Им дышат», — вспомнил он отповедь Мелестия. Он был мостом между холодным расчётом Ричарда и одушевлённым, почти медицин-

ским восприятием Эвелин. Впитывал их знания, пропускал через призму манускрипта Мелестия и применял.

Под их внимательными взглядами он поднял руку. Браслет на запястье отозвался лёгким дрожанием. Он не стал слепо толкать энергию. Он встроился в поток, создал резонанс, как советовала Эвелин, следуя точным выверенным углам, как видел это Ричард.

Воздух перед ним не просто дрогнул. Он завихрился. Создал не грубую стену, а плотную, упругую, мерцающую воронку, в которой с тихим удовлетворяющим шипением рассеялся аккуратно направленный Эвелин луч света.

Тишина. Лишь ровное гудение магии и тяжёлое дыхание Арчи.

— Ну вот, — сдержанно прокомментировал Ричард, пряча удовлетворение за маской деловой критики. — Гораздо лучше. Поработаем над скоростью.

Эвелин сияла:

— У тебя получилось, Арчи! Ты почувствовал поток!

Арчи опустил руку. Пальцы дрожали — не от изнуряющей

усталости, а от прорыва, от адреналина открытия. Это была не просто победа над стихией. Это была победа тактики над грубой силой, ума над обстоятельствами, воли над привычной ролью жертвы.

Он посмотрел на своих союзников — расчётливого торговца и восторженную учёную. И это был только первый, робкий ход в большой игре.

Воздух в Зале Стихий был густым от влажного жара и звенел от сдерживаемого напряжения. Арчибальд стоял у колонны. Сегодня он не искал спасения в тени. Под ногами — незыблемая твердь плит, в груди — холодная отточенная решимость. Пальцы сами повторяли плавные выверенные движения, ощущая невидимую энергию, готовую по его зову сложиться в упругий вихрь.

К нему бесшумно подошёл Ричард, делая вид, что изучает резные руны на ближайшей колонне. Он затесался в зал стихий.

— Ну что, готов к демонстрации прогресса? — пробормотал он, не глядя на Арчи.

— Посмотрим. — Так же тихо.

— Ты прямо источаешь уверенность, — ехидно заметил Ричард, затем понизил голос ещё тише, теряя деловую непринуждённость и становясь жёстким. — Один неверный жест, секундная потеря концентрации — и весь наш труд пойдёт прахом. Они не простят тебе второго провала. Будь уверен в своих силах или... — Он лёгким движением показал край браслета, спрятанного в складках одежды. — Повысит концентрацию. Бери.

Арчи посмотрел на браслет, потом — на учеников, вспомнил свой собственный голос: «Я должен сделать это сам». Не просто упрямство. Единственное, что отделяло его от них, — не сила, а право называть победу своей.

Пальцы непроизвольно сжались. Рука сама потянулась к браслету — к гарантии, к лёгкому пути. Он почти чувствовал холод металла на коже. «Один раз. Все подумают, что это твоя сила. Они примут тебя». Мысль была сладка и ядовита. А потом он посмотрел на высокомерные лица Лоркана и его компании. Резко отдернул руку, будто браслет был раскалён.

— Нет. Если я надену это, — тихо выдохнул он, — они будут правы. Я буду слаб. Я должен знать, что эта победа — моя. Только моя.

Ричард медленно кивнул. В глазах мелькнуло нечто, отда-
лённо напоминающее уважение.

— Как скажешь. Но ставки только что взлетели до потоло-
ка.

— Арчибальд. Леонард. В круг. Щит и удар, удар и щит.
Только стихии. — Голос магистра Аквины — сухой и без-
эмоциональный.

Навстречу Арчи вышел Леонард Гизе. Белые одежды без-
упречны, волосы убраны с математической точностью, лицо
— высеченное из мрамора, красивое, но лишённое тепла. В
глазах — огонь превосходства.

— Не опозорься снова, — он занял позицию. В руках уже
клубилась энергия, собранная в идеально ровную сферу ог-
ня.

Арчи не ответил. Гул магмы под полом, обычно привыч-
ный фон, сейчас отдавался в висках навязчивым тревожным
стуком. Глубокий вдох. Энергия наполнила его — холодная
и послушная. Он не толкал её. Он направлял.

Гизе выбросил вперёд руки. Обжигающий сгусток чистого

огня ринулся к Арчи.

На его пути возникла не неуклюжая стена, а воронка — плотный, стремительный вихрь из уплотнённого воздуха, мерцающий, как марево в зной. Струйка пота заставила щипать глаза, но Арчи не отвлекался, чувствуя, как жар печёт кожу — то ли от огня, то ли от собственного напряжения. Огненный шар врезался в вихрь, завис на мгновение — будто удивлённый — и с громким шипящим вздохом рассеялся на тысячи безвредных искр, осветив зал.

На лице Леонарда застыла маска недоумения, смешанного с первым проблеском удивления. В зале повисла гнетущая тишина.

Арчи контратаковал. Руки описали короткую резкую дугу. Вихрь перед ним не исчез — он сжался и выплеснулся вперёд узким, сконцентрированным импульсом. Не удар — точный воздушный толчок. Он просто сбил его с ног. Тот грохнулся на каменный пол, тяжело дыша от неожиданности.

Тишина стала абсолютной. Лишь потрескивание магической магмы и тяжёлое дыхание поверженного.

Арчи опустил руки. Пальцы дрожали от адреналина. Взгляд встретился со взглядом магистра Аквины. Её ледя-

ные глаза были прищурены. Она молча изучала его несколько секунд — казавшихся вечностью. Затем губы сжались. Короткий одобрительный хмык. Это было всё. И этого было достаточно.

— Невозможно! — Срывающийся на визг крик Гизе разрезал тишину. Он поднимался с пола, безупречные одежды в пыли. — Это не чистая магия стихий! Я чувствовал тьму! Он призвал на помощь тени!

Слова упали на благодатную почву. Тишину разорвал нарастающий гул. Одни отступили в тень колонн, стараясь не привлекать внимания. Кто-то, наоборот, придвинулся поближе, чтобы ничего не пропустить. Шёпот пополз по залу: «Теневик...» — шипели одни. «Он что, сделал это?...» — шептал кто-то другой. «Я тоже почувствовал холод...»

— Довольно. — Голос магистра Аквины — негромкий, но прозвучал как удар хлыста. Все замолчали. Острый как бритва взгляд скользнул по Леонарду, потом по остальным. — На этом уроке не было применено ничего, кроме магии стихий. Продемонстрирован адекватный, хотя и запоздалый, контроль. Обвинения, основанные на предрассудках, а не на знании, — удел слабых умов. — Она посмотрела на Гизе. Тот дёрнулся как от пощёчины, но промолчал.

Весомо. Не оставляя пространства для споров. Но слова повисли в воздухе, не долетев до сознания большинства. Их лица не просветлели. Шёпот не стих — стал тише и злее.

Победа оказалась горькой. Он доказал всё, что хотел, но пропасть между ним и остальными не исчезла — стала лишь глубже и очевиднее.

Арчи стоял посреди зала, сжимая дрожащие пальцы в кулаки. Надежда на признание улетучилась, сменилась холодной тяжёлой пустотой. Взгляд Ричарда — оценивающий, беспристрастный. Взгляды остальных — полные страха и неприязни, непонимания и безразличия.

Он не чувствовал себя победителем. Он чувствовал себя чужим. И в этом чувстве была странная, горькая сила. Ему больше не нужно было искать их одобрения. Доказывать им что-то.

Уверенность, которую он ощущал в начале урока, сменилась не восторгом, а холодной решимостью. У него было знание. Было немного союзников. Была его сила.

Не говоря ни слова, он развернулся и вышел из зала, оставив за спиной гулкий шёпот, который, казалось, навсегда впитался в древние камни Тангисариума.

ГЛАВА 7. СОВЕТ ВОСЬМИ

Первый снег робко запорошил остроконечные крыши Академии, превращая её в суровую чёрно-белую гравюру. В лаборатории наставника царила привычная для Арчи сумеречная тишина. Мелестий не хвалил — он не из таких. Но в его усталом взгляде появилась тень молчаливого одобрения, а тренировки стали ещё интенсивнее. Казалось, он торопился вложить в подопечного как можно больше — будто предчувствуя, что времени осталось мало.

Мелестий наблюдал, как Арчи пытается заставить тень от свечи вытянуться в тонкую, как лезвие, стрелу. Внезапно его пальцы, привычно поглаживающие тёмный камень браслета, замерли. Он не поднял головы, но всё тело напряглось, уловив далёкий, неслышный никому другому гул.

— Прибыли. — Голос прозвучал тихо, почти шёпотом.

Послышался топот — всё отчётливее — и в комнату вбежал посыльный от Аврелианны. Один из мальчишек-слуг, что носятся по академии по поручениям учителей, едва переводя дух, выпалил:

— Магистр Мелестий! Послание от госпожи! Гости прибывают! Просьба вашим ученикам не спускаться во двор и в малый зал! — Произнося это, он обмяк и с тревогой вззрился на Мелестия.

— Понятно. Беги.

Будто второе дыхание открылось у парнишки — он выскочил из лаборатории и припустил по коридору. Арчи вздрогнул, тень тут же рассыпалась.

— Идём. — Мелестий уже был на ногах, набрасывая плащ.

— Куда? У нас же ещё...

— Урок продолжится в другом месте. — Учитель усмехнулся. — Раз нельзя выходить, посмотрим сверху.

Он повёл Арчи из подвала не привычным путём. Избегая выхода во двор, путь вывел внутрь Башни Теней, по узкой пыльной винтовой лестнице, которой, казалось, не было конца. Они вышли на крошечный каменный балкончик — больше похожий на навесную бойницу, скрытую от посторонних глаз массивными горгульями. Отсюда, как на ладони, были видны главные ворота.

На балконе уже стояли трое.

Двое парней и девушка. Старшие ученики. Один — худощавый и угловатый, с острым взглядом и нервно постукивающими по камню пальцами — кутался в простую тёмную мантию. Другой, блондин с насмешливыми глазами и дорогим, хоть и неброским, капюшоном из тонкой шерсти, стоял расслабленно, но в позе читалась настороженность. Рядом с ним, словно тень, — девушка с строгими красивыми чертами и длинными волосами цвета воронова крыла. Она поглядывала украдкой из-за его спины, будто прячась. Все трое носили на мантиях небольшой, почти невидимый знак — такой же, как у Арчибальда. Тёмный полумесяц. Теневики.

При появлении Мелестия все трое мгновенно выпрямились. Насмешливый парень поспешно снял с лица выражение скучающей снисходительности.

— Магистр Мелестий, — почти хором, сдержанно и уважительно кивнули они. В голосах — не столько любовь, сколько привычная осторожность и доля страха.

— Ученики. — Мелестий кивнул в ответ, констатируя факт их присутствия. — Кто первый почувствовал? Небось опять Вейрон? — Он бросил взгляд на худощавого. Тот мол-

ча кивнул. — Что ж. Лишний раз посмотрите, кто правит нашим миром — пока что. Смотрите и запоминайте.

Внизу, у главных ворот, выстроился торжественный кортеж. Во главе — сам Архимаг Вальдорейн, его статная фигура в парадных голубых с серебром одеждах казалась воплощением невозмутимости. Рядом, прямая как шпага, застыла Аврелианна, за ними — ряд магистров и слуг. Пар поднялся в морозный воздух тонкими струйками.

— Глава Тангисариума и член Совета Восьми, — тихо, с лёгкой грустью прокомментировал Мелестий. — Самый могущественный стихийник из всех, кого я знаю. Непререкаемый авторитет.

Раздался низкий бархатный гул огромного горна. Ворота медленно распахнулись.

Первым, словно воплощённая мощь, вошёл высокий, статный воин. Чёрный доспех отбрасывал блики. Он шёл во главе эскорта: шестёрка боевых магов в латах из матового обсидиана, лица скрыты шлемами без прорезей. От них исходила такая аура неукротимой силы и дисциплины, что, казалось, снег вокруг подтаивал. Их командир коротким рубящим жестом отдал приказ свите. Стражи разом повернулись и чётким строем направились к воротам. Сам он тяжёлой по-

ступью двинулся к Вальдорейну, их рукопожатие было кратким и крепким.

— Командующий армейскими магами. Архимаг Игнис Феррокс, — голос Мелестия стал суше и неприязненнее. — Абсолютная мощь в бою. Мастер боевой магии. Слепой имперский инструмент.

Следом появилась карета — белая, без украшений. Из неё вышла женщина средних лет, без свиты. Казалось, хмурый зимний день на миг стал светлее. Простые белые одежды безупречны, лицо, хранившее следы былой красоты, излучало спокойствие и всепонимающую печаль. Вальдорейн склонил перед ней голову с неподдельным уважением, она в ответ улыбнулась тихой, усталой улыбкой.

— Личный целитель Императора, Архимаг Серафина Люмен. Вершина магии исцеления. Живая святая для толпы. — В голосе Мелестия прозвучала лёгкая усталая ирония. — Одна из богатейших магов Империи.

Тишину нарушил не звук, а его отсутствие. У края ворот воздух заколебался, и из самой тени стены выступила фигура, медленно опираясь на посох с бледным кристаллом в на вершии. Высокий, исхудавший, с кожей цвета старого пергамента. Он окинул собравшихся взглядом, в котором чита-

лось безразличие. Ни на кого не смотрел — но, казалось, видел всех сразу, и не внешнюю оболочку, а саму суть. Молча кивнул Вальдореину, и тот ответил тем же. Ни слова.

— Мастер Некромантии. Наш непосредственный глава, Архимаг Вейланд Тенебрис. — Мелестий произнёс это ровно, но Арчи почувствовал, как воздух вокруг стал чуть холоднее. — Контроль над смертью. Глубокие знания Теневой магии. Его боятся и уважают даже враги. Для факультета — главный заступник в Совете. Но его интересует только знание, а не судьбы учеников.

Следующей подкатила тяжёлая, но изящная карета, запряжённая двумя невиданными зверями — помесью лошади и саламандры, с чешуйчатой кожей и дымящимися ноздрями. Из неё одним плавным движением, будто невесомые, вышли две женщины.

Первой ступила на брусчатку та, что была чуть выше. Каштановые волосы заплетены в сложную косу. Она улыбалась, с детским интересом осматриваясь.

— Архимаг Зелирия Морвуд. Сильнейший аэромаг Империи. Не обманывайтесь её дружелюбием — под этой внешностью скрывается ярость штормов. В Совете участвует редко...

Рядом с ней возникла вторая фигура. Они были похожи — разве что тёмные волосы с серебристым отливом отличались. Она кидала колючие взгляды, оценивая всех и вся с холодным высокомерием. Даже не смотрела на Вальдорейна — её внимание скользнуло по стенам Академии, будто выискивая изъяны в кладке.

— Архимаг Гейя Морвуд. Старшая сестра. Маг земли. — Голос Мелестия стал нарочито нейтральным, но в нём слышалось отвращение. — Властная, амбициозная и невероятно опасная в своей обидчивости. Считает, что будущее — за её стихией, и смотрит на всех остальных свысока.

Сёстры, не удостоив друг друга взглядом, разными путями направились к Вальдорейну. Гейя — медленным, величавым шагом, Зелирия — быстрыми и бодрыми движениями, словно её ноги едва касались земли.

— Шестеро из восьми. Больше, чем обычно. — Мелестий нахмурился, говоря скорее для себя.

Архимаги проследовали за Вальдорейном вглубь Академии. Массивные двери Зала Совета закрылись с глухим, окончательным стуком.

С балкона было видно, как по территории засуетились учителя, уводя любопытных питомцев. Зрелище окончилось.

— Всё. — Мелестий развернулся к ученикам. Лицо стало суровым. — Возвращайтесь к занятиям. И не высовывайтесь. У Совета будут долгие разговоры.

Арчи стоял, вжимаясь в холодный камень, пытаюсь осознать увиденное. Не просто сильные маги. Живые столпы Империи, каждый из которых — огромная сила и огромная угроза.

Он украдкой взглянул на других теневиков. Девушка что-то коротко говорила своему другу, тот кивнул, лицо оставалось невозмутимым. Но Вейрон — тот самый угловатый парень — смотрел вслед ушедшим архимагам с мрачной, сосредоточенной серьёзностью. Он понимал. Так же, как Арчи. Понимал, что прибытие таких фигур в одну точку не сулило ничего хорошего.

Вечер. В лаборатории Мелестия царил хаос — прекрасный и ужасный. В воздухе пылало с дюжину призрачных огней, отбрасывающих рвущиеся тени. Арчи с искажённым от

усилий лицом стоял в центре бури. Перед ним из мрака рождались и рассыпались острые, как бритва, теневые копьа, а вокруг трепетал полупрозрачный щит из сгущённой тьмы.

Его противником были не учебные манекены. С пола, со стен, из самых углов к нему кидались мелкие юркие тени, порождённые волей Мелестия, — похожие на изъеденных молю животных с когтями и шипами. Арчи отбивался, щит трещал под ударами, его собственные копьа пронзали нападавших, заставляя их растворяться в воздухе. Он был весь в поту, дыхание сбилось, но в глазах горел азарт. Он держался.

— Не отступай! — раздался спокойный голос Мелестия из кресла. — Они чувствуют страх! Дай им волю — обглодают до костей!

В этот миг дверь распахнулась без стука.

Вошёл Вейланд Тенебрис.

Он не ворвался, не вломился. Он просто возник в проёме — и буря мгновенно утихла. Призрачные огни погасли, словно их задули, оставив гореть лишь одну-единственную свечу на столе. Мелкие тени с жалким писком испарились. Щит Арчи дрогнул и рухнул, копьа рассыпались в прах. Юноша едва устоял на ногах, чувствуя, как его связь с теньями на миг

оборвалась, подавленная безмолвным присутствием архимага. С огромным усилием, стиснув зубы, он сумел поймать расплзающуюся магию и удержать её при себе, не дав иссякнуть полностью.

От Вейланда не пахло дорожной пылью или холодом — лишь слабый, сладковатый и тошнотворный запах тлена, заставляющий нос рефлекторно сморщиться. Холодный, всевидящий взгляд скользнул по комнате, на миг задержавшись на Арчи, — заметил и борьбу, и победу над страхом.

Мелестий без тени удивления медленно поднялся из-за стола.

— Архимаг. — Голос ровный, без подобострастия.

Арчи замер, стараясь дышать тише, и инстинктивно отступил к стене.

— Мелестий. — Голос Вейланда — тихий, сухой и безжизненный, точно скрип переворачиваемой страницы в глухой библиотеке.

— Ты свободен. — Мелестий обратился к Арчи.

Юноша уже сделал шаг к выходу, сердце колотилось, как

вдруг тени обвилились вокруг его ног. Он не мог пошевелиться.

— Останься. — То же ровное, бесстрастное слово, но произнесённое Вейландом. Тени исчезли.

Мелкая дрожь била Арчи. Он уставился в каменные плиты пола, не смея поднять взгляд. Архимаг по-прежнему не смотрел на него, обращаясь к Мелестию.

— Это касается и тебя. Прямо или косвенно — касается всех нас.

Он прошёл вглубь комнаты и остановился напротив Мелестия.

— Совет окончен. Итоги предсказуемы лишь отчасти. — Слова чеканились. — Император требует магов на усиление границ. Феррокс рвётся в бой, он получил приказ на формирование новых ударных легионов. Но проблема не только в Свободных Городах.

Он прервался и бросил быстрый взгляд на руку Мелестия. В тишине — лишь прерывистое дыхание Арчи.

— Проблема в земле. Печать на западе слабеет. То, что

запечатано, пробуждается, и оно озлоблено. Люмен видит симптомы — болезнь, гниение, угасание жизни. Но не может понять, где трещина. Остальные... — тон стал суше, — предпочитают не видеть ничего, кроме угрозы своей власти и новых возможностей укрепить её.

Он повернул голову, взгляд на мгновение зацепился за дрожащую тень на стене.

— Инквизиция получила свободу от трона на «очистку» тех земель. Их взгляд всё чаще падает на нас. Наших учеников, наших магов, наши методы, наши изыскания. Готовь своих подопечных, Мелестий. Их пыл вызывает опасения. У нас всё меньше союзников.

Арчи слушал, затаив дыхание. Слова падали в тишину, как камни в бездонный колодец. Приговор, оглашённый с высоты власти.

— Им нужны козлы отпущения, — тихо, но чётко произнёс Мелестий. В глазах вспыхнула знакомая Арчи усталая ярость. — Чтобы объяснить народу порчу земель и неудачи с соседями. Им нужны демоны, которых можно показать толпе. Всё как в прошлый раз.

Вейланд медленно кивнул.

— Мы всегда были самыми удобными кандидатами. Проведи за своими неучами. Чтобы никто не дал им лишнего повода.

Мелестий помолчал, затем слегка наклонил голову.

— Они боятся того, чего не понимают. Маги других факультетов, ученики... они видят в нас лишь мрак и кошмары. Может, стоит снизить градус истерии? Показать другую грань. Прочтите им лекцию. Основы. Чтобы видели в нас магов Империи, а не демонов в тенях.

Вейланд замер. Безжизненный взгляд скользнул по лицу Мелестия, затем — впервые за весь разговор — медленно и целенаправленно перешёл на Арчи. Казалось, он видел ту самую борьбу, что была секунду назад.

— Хорошая мысль. — В голосе послышался лёгкий, почти неуловимый оттенок интереса. — Договорись с Аврелианной. Я выделю время. Посмотрим, что из этого выйдет.

Ни слова больше. Ни кивка на прощание. Вейланд Тенебрис развернулся и вышел так же бесшумно, как появился. Дверь закрылась сама собой.

Свеча горела ровно. Тени лежали спокойно. Но для Арчибальда всё изменилось. В ушах всё ещё отзывался безжизненный голос, хотя в лаборатории было идеально тихо.

— Продолжай тренировку. — Голос Мелестия вернул его в себя.

Что бы ни ждало впереди — надо становиться сильнее.

Слух о лекции Архимага Тенебриса пронёсся по Академии, вызвав гулкое смятение. Очень редко член Совета Восьми снисходил до открытых выступлений перед всеми учениками. Особенно Архимаг Некромантии.

Большой Зал, обычно сиявший голубыми и серебряными тонами, был погружён в искусственные сумерки. Магические светильники приглушили сияние, а в центре на возвышении горели три массивные свечи из чёрного воска — их холодное неподвижное пламя отбрасывало длинные, неестественные тени.

Теневики пришли последними и заняли места сзади, у колонн, в самой гуще мрака. Они не сбились в кучу. Каждый сидел обособленно — остров в море тьмы. Над ними, воз-

вышаясь как пастух, в тени колонны стоял магистр Мелестий. Вейрон, худощавый и напряжённый, нервно перебирал край мантии, его глаза бегали по лицам присутствующих. Парень, показавшийся Арчи аристократом, старался сохранять маску безразличия, но беспокойно ёрзал на месте, а его подруга-сестра пряталась за его спиной, словно стараясь стать невидимой. Ещё одна фигура привлекла внимание Арчибальда — высокая стройная блондинка, надменно и гордо осматривавшая зал. Раньше он её не видел. Она была бы красивой, если бы не глаза — в них сквозило презрение и даже ненависть, искажая прекрасные черты. По телу Арчи пробежали мурашки.

Он остановился у входа, окидывая взглядом собравшихся. Зал был полон. Ученики всех факультетов сидели, сбившись в кучки по кафедрам, с ними — преподаватели-кураторы, настороженные и притихшие. Взгляд скользнул по знакомым лицам: Эвелин сидела среди учеников Света, и когда их взгляды встретились, она быстро, почти незаметно улыбнулась ему — крошечный лучик света в нарастающей тьме.

Арчи сел среди теневиков. Спина прямая, взгляд оценивающий, внимательный. Он впитывал атмосферу, анализировал и ловил себя на мысли: как глупо, что им приходится объяснять очевидное этим глупцам.

Тишину разрезал мерный тяжёлый стук посоха. Тени за кафедрой ожили и расступились, выпуская из своих глубин Вейланда Тенебриса. Рядом, чуть поодаль, неожиданно встал Архимаг Вальдорейн. Сам глава академии почтил лекцию присутствием, его лицо было бесстрастным, но внимательным. Этот союз двух столь разных сил заставил зал замереть окончательно.

Вейланд обвёл собравшихся усталым взглядом.

— Вам в последнее время втолковывают, что магия Теней — это кощунство и грязь. — Начал без преамбулы. Голос — тихий и сухой — достиг каждого уха. — Что её последователи — осквернители. Это удобная ложь. Для тех, кто боится смотреть в лицо миру во всём его многообразии. Наш дар — не зло. Он для блага. Для проведения и охраны грани между мирами. Мы — пастухи теней. Мы следим, чтобы мёртвые не забрели на сторону живых, а живые... — взгляд скользнул по лицам светлых магов, — не были настолько глупы, чтобы пытаться сорвать покровы с вечного покоя.

Арчи заметил, как от этих слов дёрнулась Эвелин. Он говорил о дисциплине, ответственности, о знании, которое тяжелее любой гири. Арчи слушал вполуха, оглядывая реакции остальных. Кто-то переглядывался, редкие люди шептались, основная масса внимала. Он заметил Артура в окруже-

нии друзей-аристократов — лицо его выражало смешанные чувства, в отличие от «друзей», со снисходительной улыбкой и явной скукой наблюдавших за лекцией.

Затем, среди примеров древних ритуалов и исторических ошибок, Вейланд коснулся недавнего прошлого.

— Возьмите поход на Короля Лича Западного нагорья. — Голос не изменил интонации, но Вальдорейн чуть заметно дёрнулся. — Сильная нежить, порождённая отравленными потоками магии, проклятие земли расходилось на мили вокруг. Они были такой силы, что эта нежить смогла собраться в небольшое королевство. Силы стихий и Света неоднократно устраивали походы на них, но этого оказалось недостаточно против скверны, выедавшей саму душу мира. — Вейланд остановился, давая просочиться словам. — Поход возглавил Архимаг Вальдорейн. В составе были и маги Теней. Многие из них пали, сдерживая и уничтожая полчища мертвецов бок о бок с магами других направленностей. Их жертва не была напрасной. Проклятие удалось остановить. Без них цена была бы непомерно выше.

Он повернул голову к Вальдорейну. На лице угадывалась улыбка и озорной блеск в глазах.

— Не так ли, Архимаг? Можно сказать, вы все спасли им-

перию от страшного врага.

Вальдорейн, не меняясь в лице, медленно кивнул. Голос прозвучал громко и чётко:

— Это правда. Без умения наших теневых магов осязать и рассеивать саму суть некротической скверны мы бы потерпели поражение. Немногие выжили в том бою. — Взгляд на мгновение стал отстранённым. — В их числе был и один из наших магистров, Мелестий. Его мастерство позволило нам завершить миссию.

По залу пронёсся гул. Ученики переглядывались, не веря своим ушам. Мелестий? Угрюмый, скрытный теневик, которого все сторонились? Герой опаснейшей экспедиции, соратник самого Архимага? Среди теневиков слышались вздохи. Девочка перестала прятаться, уставившись на Мелестия широкими глазами. Арчи чувствовал примерно то же, что и остальные. Он смотрел на Вальдорейна, потом на Мелестия — тот даже не дёрнулся от стольких глаз, направленных на него. Реальность для Арчибалда менялась, складываясь в новую, невероятную картину.

Лекция завершилась. Вейланд Тенебрис, не отвечая на вопросы, просто шагнул в тень и исчез. Вальдорейн удалился через главный выход, и зал взорвался гамом голосов — впро-

чем, быстро прерванных наставниками.

Теневики поспешно расходились, стараясь не привлекать внимания. Арчи медленно поднимался, переваривая услышанное, когда к нему подошёл парень с девушкой-хвостиком. Ухоженный, богато одетый теневик выглядел сосредоточеннее, чем обычно. Край его мантии держала девушка.

— Ну что. — Тихо, глядя на Арчи, сказал блондин. — Понял, что он только что сделал?

Арчи встретил его взгляд. В собственных глазах — ни капли прежней неуверенности, лишь холодная ясная мысль.

— Да. Он не оправдывался. Он показал нашу необходимость. Объявил цену нашей работы. Он не остановил нападки — он отсрочил удар. Дал нам время и дал им повод задуматься.

— Я Дункан Криниас, это моя сестра Латиша. — Короткий кивок, в глазах мелькнуло нечто похожее на уважение. — Думай дальше. И не расслабляйся. Отсрочка — не отмена.

Он развернулся и пошёл, за ним — след в след — Латиша. Они растворились в расходящейся толпе, как и остальные теневики. Арчи остался стоять среди гвалта — потрясённый,

удивлённый. Но теперь он не чувствовал себя единственным.

ГЛАВА 8. СВЕТ И ТЕНЬ

Воздух в классе после лекции — тяжёлый, спёртый, пахнущий мелом и застывшей магией. Арчи медленно собирал книгу и разрозненные пергаменты, стараясь не выдать напряжения. Он надеялся, что лекция Вейланда и признание заслуг Мелестия хоть как-то охладят пыл Церкви. Но ноющая тяжесть в груди подсказывала — надеяться не на что.

Последние ученики поспешно покидали аудиторию, бросая на него скользкие взгляды — смесь любопытства и безразличия. Но меньше злобы. Или показалось. Арчи сделал вид, что не замечает, сосредоточился на стопке бумаг. Руки чуть дрожали, он стиснул зубы, заставляя их повиноваться.

— Арчибальд.

Голос мастера Тассара — негромкий, но чёткий. Арчи замер.

— Останься. К тебе есть вопросы.

Он медленно выпрямился. Тассар стоял у стола, пальцы

нервно перебирали края бумаг. Он не смотрел на ученика — взгляд блуждал где-то за спиной, по аудитории. Выглядел дёрганным, постоянно озирался. Ждал чего-то.

И это что-то не заставило себя ждать.

Из-за спины Арчи в аудиторию вошёл он. Невысокий, щедушный, в простой, но безупречно чистой мантии инквизитора. Лицо — молодое, абсолютно бесстрастное, будто вырезанное из желтоватой слоновой кости. На груди — скромный, но оттого не менее зловещий деревянный символ Солнца Фаэрона.

— Приветствую вас, брат Клемент, — почтительно проговорил Тассар. Имя прозвучало подобно щелчку замка.

Инквизитор кивнул с холодной вежливостью и подошёл так близко, что Арчи почувствовал слабый запах ладана и пота. Остановился, рассматривая его с немим пренебрежением — словно сапожник дырявый ботинок.

— Так вот он какой. — Голос негромкий, ровный, без единой эмоции, и оттого ещё более мерзкий. — Наш юный пастух теней. У нас к тебе есть несколько вопросов, дитя.

— Каких вопросов? — Арчи заставил голос звучать ров-

но, хотя сердце колотилось в горле.

Маленькие глаза инквизитора сузились.

— Расскажи нам о своём наставнике, магистре Мелестии. Чему он учит тебя в своих подвалах, кроме как пугать честных людей? — Пауза. Он пожевал губу. — Имена других учеников его факультета, кто проявляет нестабильность. Кто не может справиться с даром. Церковь желает им помочь. Избавить от бремени.

Каждое слово — отточенный кинжал, обёрнутый в бархат лицемерной заботы. По спине побежали мурашки. Арчи сжал кулаки, осёкся и разжал.

— Магистр Мелестий учит нас контролю. Чтобы наш дар служил Империи, а не был ей в тягость. А имена... мы обучаемся раздельно. Я никого не знаю.

— Всех ты знаешь, — тихо, но настойчиво парировал Клемент, в глазах промелькнул огонёк ненависти. — Ваша братия практикует ересь и видит слабых. Рассказывайте, кто опасен, нестабилен.

Дверь отворилась с тихим, но отчётливым скрипом. На пороге стоял Мелестий.

Плащ накинут на одно плечо. Лицо, обычно выражавшее лишь скуку и усталость, сейчас обратилось в каменную маску холодного, безраздельного гнева. Тяжёлый взгляд скользнул по Арчи, затем по Тассару и наконец остановился на инквизиторе.

— Арчибальд! — Голос низкий и ясный, без повышения тона, но оттого лишь опаснее. — Сколько можно ждать? Из-за твоего разгильдяйства сорван весь урок! Ты считаешь, моё время ничего не стоит?

Он вёл себя так, будто в комнате не было никого, кроме провинившегося подопечного. Шагнул вперёд, целиком игнорируя инквизитора. Лишь на мгновение его взгляд скользнул по Клементу — быстрый, безразличный, полный такого глубочайшего презрения, что тот невольно отступил на шаг.

Мелестий повернулся к Тассару.

— Мастер Тассар. Вы закончили отнимать у меня время? Или вы считаете себя вправе составлять расписание занятий для моего факультета?

Тассар сглотнул, открыл рот — и звучно захлопнул.

Не дожидаясь ответа, Мелестий грубо схватил Арчи за плечо и резко развернул к выходу.

— Вперёд! Ты у меня сегодня до ночи отработаешь каждую потраченную впустую секунду!

Арчи, ошарашенный, почти побежал перед ним, спотыкаясь на пороге. Последнее, что он увидел, обернувшись, — бледное, перекошенное обидой и страхом лицо Тассара и абсолютно непроницаемую, но теперь отчего-то кажущуюся жалкой фигурку брата Клемента в центре пустого класса.

Дверь захлопнулась.

В коридоре Мелестий не замедлил шаг. Пальцы легли на плечо Арчи, крепко сжав.

— Голову выше, — прошипел он себе под нос, но Арчи отчётливо расслышал.

Сердце колотилось в горле. Он понял. Понял правила этой игры. Его защита — не правота. Его защита — его статус. Его ценность для такого могущественного и бесцеремонного наставника, как Мелестий. И эта ценность, оказалось, стоила куда больше, чем время какого-то инквизитора.

Он шёл, выпрямив спину, и впервые за долгое время тени по краям коридора казались ему не враждебными, а своими.

Однако Мелестий сдержал слово и заставил Арчи трудиться до ночи. И лишь упорный труд позволял ослабевать чувству напряжения.

Это чувство — хрупкое, но упругое, как натянутая тетива, — не покидало его несколько дней. Давление не ослабевало, но угроза Инквизиции закалила, сделала жёстче и острее. Он научился носить изоляцию как доспехи, а насторожённость — как оружие.

Уроки у Мелестия стали единственной отдушиной. Там, в подвале, среди прыгающих теней и тихого ворчания наставника, он рос — не по дням, а по часам. Контроль переставал быть борьбой и превращался во вторую натуру. Он чувствовал тени как продолжение пальцев, мог сплести не только щит или копьё, но и тончайшую нить, способную ощупывать мир в темноте. Учился полностью погружаться в концентрацию на результат.

Именно эта концентрация и подвела его сегодня.

Он задержался в библиотеке над запутанным манускриптом по теории энергетических потоков, который добыл

Ричард. Мысли увязли в вычислениях, и о времени он забыл. Когда дошло, что опаздывает на лекцию магистра Аквины, было поздно.

Он влетел в аудиторию запыхавшийся. Занятие шло полным ходом. Все головы повернулись к нему — десятки пар глаз: любопытных, насмешливых, осуждающих. Магистр Аквина прервала рассказ о стабилизации воздушных потоков. Тишина.

— Арчибальд. — Голос — холодный, как удар льдины о камень. — Объясни своё опоздание. Мои лекции, по-твоему, не заслуживают пунктуальности?

Он замер у порога. Привычный страх сжал горло. Но затем вспомнил ледяную маску Мелестия, его презрительный взгляд на инквизитора. «Голову выше». Арчи выпрямил спину, встретил её взгляд и улыбнулся.

— Простите, магистр. Углублял основы. Как вы и советовали на прошлой неделе.

В классе кто-то сдержанно хихикнул. Аквина приподняла бровь, в глазах мелькнуло не гнев, а скорее любопытство.

— Углублял? И каким же именно «основам» ты предавал-

ся с таким усердием, что забыл о времени?

Скептические ухмылки однокурсников. Снисходительный взгляд учителя стали последней каплей.

Вместо ответа Арчи медленно поднял руку. Он не стал вызывать тень — слишком грубо, слишком очевидно. Он сконцентрировался на воздухе. На его тончайших, невидимых потоках.

Он не видел их, но чувствовал — кожей, волосами, каждой клеткой, натренированной неделями изнурительных упражнений. Поймал крошечный вихрь у пальцев и сжал. Сконцентрировал. Вытянул в нить — невидимую, идеально контролируемую.

Он не смотрел на однокурсников — только на магистра Аквину. И провёл этой невидимой нитью через весь класс к её кафедре.

На краю стола горела высокая свеча. Пламя ровно колыхалось.

Вдруг оно ярко вспыхнуло, вытянулось вверх на добрую ладонь — ослепительно белое, горячее — и так же внезапно погасло, оставив лишь тонкую струйку дыма и тлеющий

фитиль.

Абсолютная, оглушительная тишина. Никто не видел, что он сделал. Они видели лишь эффект. Идеальный, точечный контроль над стихией воздуха на расстоянии. То, что не каждому стихийнику давалось с первого раза.

Арчи медленно опустил руку.

— Основам контроля воздуха, магистр. Прошу прощения за опоздание.

Аквина смотрела долгим, пристальным взглядом — на тлеющую свечу, потом снова на него. На строгом лице ни гнева, ни одобрения. Непроницаемая маска.

— Садись, Арчибалд. — Голос снова ровный, лекторский. — Не пропусти ничего. Контроль — штука тонкая. Его легко потерять.

Он кивнул и прошёл на место. Жгучие взгляды провожали его — но теперь в них было не только пренебрежение. Недоумение, злоба и... уважение. Смешанное со страхом.

Он не смотрел по сторонам. Сел, достал пергамент и перо. Внутри всё трепетало от адреналина. «Вот вам demonstra-

ция от теневики-изгоя», — подумал он про себя и улыбнулся.

С урока он вышел с высоко поднятой головой, но внутри всё ещё дрожал от перенесённого напряжения. Быть загадкой — утомительно. Быть объектом страха и ненависти — одиноко. В такие моменты спасало лишь одно — та единственная нить, что связывала его с миром, где он был не тeneвым учеником, а просто Арчи.

На кровати уже лежало письмо из дома.

Они приходили нечасто — со странствующими торговцами. Каждый раз слуга, приносивший свёрток с его именем, выведенным уверенным почерком Феликса, вызывал прилив тепла, смешанного с острой тоской.

Он вскрывал письма только когда Артур и Ричард уходили. Разворачивал пергамент, вдыхая слабый запах домашнего очага, сушёных трав и воска.

Письмо от Элайзы — светлое и беззаботное, полное новостей, далёких и незначительных здесь, в каменных стенах Тангисариума, и оттого бесценных. Он перечитывал строки снова и снова, представляя её лицо, её руки, пахнущие землёй и травой. Другой мир. Простой, ясный, тёплый. Мир, ради которого, возможно, и стоило бороться.

Письма от Феликса — другие. Тяжёлые, мудрые, полные скрытого смысла, который Арчи учился читать между строк. Приёмный отец никогда прямо не писал об Инквизиции, о волнениях на границах, о политических бурях. Его слова были тихой гаванью.

Эти письма Арчи перечитывал в самые трудные моменты. Твёрдые, уверенные буквы — якорь, не дающий сбиться с пути. Они напоминали, кто он есть на самом деле. Не монстр, не изгой, не пешка в чужой игре. Сын, брат. Просто Арчибалд, которого любят и ждут.

Он аккуратно складывал письма в шкафчик у изголовья. Они были его самым большим сокровищем. Талисманом против надвигающейся тьмы. Ради этого места, ради этих людей он был готов стать сильнее — сильнее страха, сильнее ненависти, сильнее самой Инквизиции.

Жизнь шла своим чередом — напряжённые уроки, изматывающие тренировки в подвале, редкие часы за книгами с Ричардом и тихие разговоры с Эвелин. Укутанные в снег деревья во внутренних дворах навевали на него тоску, а для остальной академии в воздухе витало предвкушение главно-

го зимнего праздника — смены года и Зимнего Равноденствия. Академия преобразилась. Суровый каменный замок на один день принарядился: сотни факелов и цветных фонарей, столы ломились вкусной и необычной едой. Воздух гудел от смеха и разговоров — редкое состояние для этого места.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.